

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

B
A

ЕРМИНІЯ

ВЪ

РАЗВАЛИНАХЪ РИМА.

Г-мъ д' Ансрагъ.

Переведена съ Французскаго.

В. М.

155512

Съ дозволенія С. Пешербургскаго Гражданскаго Губернатора Сергѣи Кушникава. **А**

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

При Императорской Академіи Наукъ
1803 года.

Е Р М И Н И Я

въ развалинахъ Рима.

Время отъѣзда моего приближалось, я хотѣлъ посвятивъ оспальные дни мои на разсмаприваніе памятниковъ древности возбуждающихъ мое любопытство; въ теченіи шестнадцати мѣсяцевъ, которые употребилъ на обозрѣніе великолѣпныхъ развалинъ древняго Рима. — Утро 1го Марша провелъ я въ Колизе; возвращаясь домой, при поворотѣ въ поперечную улицу, выведенъ былъ изъ задумчивости, пронизательнымъ пѣніемъ Пелериновъ; остановясь и давши мѣсто пройди сей толпѣ, взглянулъ на окна половину задернутыя богатыми гардинами, у коихъ видно было нѣсколько молодыхъ прекрасныхъ дѣвушекъ.

Одно изъ сихъ оконъ невзапно привлекло мое вниманіе, у онаго сидѣла

возлѣ почтенной женщины одна молодая дѣвица. Ахъ! и теперь еще воспоминаніе сей пріятной минушы увеличиваетъ біеніе моего сердца. — Темнорусые локоны лежащіе на груди закрывали часть ея лица, но сіе не воспрепятствовало бытъ пораженнымъ ея красою; я видѣлъ шею, грудь и прелестныя руки, коихъ бѣлизна увеличивала нѣжность ихъ — облокотившись на запершую лавку находящуюся насупротивъ сего дома; и въ то самое время когда долженъ былъ сморгнуть на процессію, глаза мои устремлены были на прекрасную дѣвицу. Она оборотилась къ старой женщинѣ, и проходя, бросила на меня взоръ, которой проникнулъ до глубины моего сердца. Смущеніе мною тогда овладѣвшее удерживало въ семъ положеніи; я медлѣнно подвигался въ передъ. — Образъ ея повсюду преслѣдовалъ за мною, всѣ воображенія мои заняты были ея прелестями, кон ослѣпили глаза мои и впечатлѣвались въ мое сердце.

Слѣдующій день назначенъ былъ на

разсматриваніе Вапикана: но я разсудилъ что любопытство въ разсужденіи развалинъ Типовыхъ бань, могло уступитъ стремленію очаровательнаго чувствования, возвратившись на то самое мѣсто, гдѣ уже сдѣлалъ нѣкоторое открытіе, которое столько привязало меня къ настоящему времени, сколько прежде занятъ былъ прошедшимъ. — Лавка находящаяся напротиву дому моей незнакомки принадлежала купцу торгующему шелковыми матеріями. — Я вошелъ въ оную, разсматривая его товары, купилъ нѣсколько мѣлочей, заплачивши ему столько, сколько онъ запросилъ съ меня. Я не умедлилъ навѣдаться у него о моей незнакомкѣ, она была дочь одного купца, которой бы оставилъ ей великое наследство, естлибы не сдѣлалъ наглыхъ разчетовъ съ своими корресподентами, онъ коихъ потерялъ большую половину своего имѣнія. Мать сей дѣвицы уже годъ тому назадъ какъ умерла; и что Митрана была ея сродственница заступившая мѣсто матери. Къ сему присоединилъ, что онъ недавно еще купилъ сію лавку и переселился жить

въ Римѣ, и что онѣ не зналъ изъ нихъ ни одной, но только слышалъ похвалы относящіяся къ ней отъ многихъ ея знакомыхъ и бѣдныхъ почитающихъ ее за Ангела благодѣшеля. — Спрахъ бытъ проникнушу въ участіи, кое я бралъ въ семъ извѣстіи заспавилъ меня краснѣшь; я рассказалъ купцу гдѣ живу, и онѣ слѣдовалъ за мною изъ далека. — Тщешно я спарался увидѣшь мою незнакомку у ея окна, но она не показывалась. — Дошедши до конца улицы я обернулся назадъ: глаза ея успремлены были на меня, и лучъ надежды блеснулъ въ душѣ моей погрузившейся въ шерзающею ея мечшательности.

Каждый день прохаживаясь въ близи ея дома, иногда рано по утру когда на улицахъ мало бываетъ народу, или поздно вечеромъ, но чтобъ дашь ей знашь какія она вселила въ меня чувства, я пѣлъ нѣжные романсы окампонируя пріятными тонами моей гитары; и когда мнѣ случалось ея увидѣшь, я чувствовалъ удовольствіе почитаемое мною наградою за нѣсколько часовъ моихъ трудовъ.

Одного утра находясь не далеко отъ церкви св: Марїи д' Анжели, увидѣвъ я выходящихъ изъ сего храма двухъ молодыхъ женщинъ. Онѣ ушли въ ту самую улицу гдѣ жила моя незнакомка и вскорѣ уменьшили свои шаги, я приблизился чшобъ ихъ слышать, какъ одна изъ нихъ сказала;—нѣтъ Ерминія, нѣтъ; сіе уже съ лишкомъ дерзко, придти нарушить наше спокойствіе въ сихъ священныхъ мѣстахъ.—О мой другъ! отвѣчала другая, которая сперва устремила на меня глаза свои, сколь гнусно видѣшь сего безчестнаго; сколько причинъ я имѣю его ненавидѣть, хотя бы онъ имѣлъ корону и все могущество, и тогда бы не могла я любить его.—Поспѣвшимъ моя любезная, прервала первая, насъ могутъ еще преслѣдовать.—Она посмотрѣла вокругъ себя, и я узналъ что ешо была Мишрана, которую видѣлъ у окна съ моею незнакомкою. Тайное предчувствіе вселилось въ меня. Въ сіе время Ерминія обернулась, и сія была та которую я люблю — взоры наши встрѣтились.—Она покраснѣла — и также смущенная какъ и я, возвратила комплементъ

мой. — — Я медленно слѣдовалъ за ними держа себя въ недалежномъ разстоянїи, до тѣхъ поръ пока они вошли въ свой домъ. — Откуда воропившись пошелъ въ садъ де Лавиалла Машпей, дасть свободное печеніе моимъ мыслямъ и чувствамъ спѣснующимъ душу мою.

Что бы былъ сей дерзкій когто спросить за нею преслѣдуетъ? дѣйстви-тельно ли она ненавидитъ его? и не я ли пошъ самый котораго она не любитъ? — шакovy были вопросы представляющїеся моему воображенію; — смущеніе и ревность овладѣли мною, спросить моя часъ опъ часу возрасшала. — Но надежда еще нѣсколько утѣшала; румянецъ явившійся на лицѣ Ерминїи когда она узнала меня, польстилъ нѣсколько самолюбію моему. По послѣднимъ ея словамъ я заключилъ что кто нибудь хотѣлъ ея уловить; но увѣренъ былъ что сердце ея было еще свободно. Надежда не совсемъ меня оставила; я выдумывалъ тысячу средствъ: хотѣлъ съ нею видѣться и сказать что люблю; попомъ раздумывалъ находя средства еѣ неосме-

взательнымъ.—Съ сего времени я не думалъ болѣе объ отъѣздѣ, писалъ къ своему банкиру въ Балъзъ, чшобы письма не посылалъ въ Генуу, а адресовалъ бы въ Римъ. — Не признаваясь совершенно въ причинѣ перемѣнившей мое намѣреніе проповорѣчилъ самому себѣ; здѣсь шебъ много ешь чего увидѣшь; ты обрѣнешь здѣсь наипрѣяпнѣйшія воспоминаія для оснальныхъ дней швоей жизни. Произведеніи художествъ, къ усовершенствованію коихъ многіе вѣки прилажали, ты найдешь ихъ здѣсь во множествѣ и совершенствѣ; онѣ здѣсь процвѣпають. — Тебѣ довольно двухъ мѣсяцовъ для обозрѣнія прудовъ иъсколькихъ тысячъ лѣвъ. — Впрочемъ продолжалъ я, перемѣна швоего намѣренія способствуенѣ тебѣ разсмотрѣнѣ наипрѣяпнѣйшіе ландшафты, развалины; марморныя статуи, картины, и всю оживленную природу.

Съ того самого дня въ которой узналъ я имя незнакомки моей, шщательно посѣщалъ окрестныя церкви и всѣ публичныя гулянья надѣясь, гдѣ ни-

Будь съ нею встрѣтись! но все сте было тщетно. — Я чиналь въ глазахъ Ерминіи, что любовь моя была ей не противна. — Ахъ! какая сладостная минуша, одного вечера видѣль ея вздохнувшую, когда моею Гитарою окампонироваль одинъ нѣжной романсъ внушенный въ меня любовію.

Во что бы ни спало, но я рѣшилсѣ съ нею увидѣться, какъ одинъ изъ моихъ друзей напомнилъ мнѣ обѣщаніе мое сотовариществовать его чрезъ Тиволи и Палестрину до озера Селано. — Я сдержаль мое слово. — Всѣ достойные замѣчаніе предмѣлы встрѣчающіеся на семъ пути, мало за мала и меня. Меланхолическія воображенія мои помрачали красоту ихъ представляющуюся взорамъ моимъ; спремительное желаніе и неперѣливость возвращишь въ Римъ, заставили меня пробыть въ дорогѣ не болѣе десяти дней — и я узрѣль опять тѣ прелестныя мѣста гдѣ обиналь обожаемой мною предмѣль. — Подобно древнему поешу, восхвалявшему солнце освѣщающее гордый Римъ — шакъ я восхв-

щался при перьвыхъ лучахъ упадающихъ на любезнѣйшія мнѣ мѣста. — Я пошелъ потчасъ въ ту улицу гдѣ жила Ерминія, оспановившись въ недалекомъ разстояніи съ успремленными глазами на ея окна, мнѣ казалось, что у оныхъ нѣчто блѣлело — и я ея вижу. Но уввы! какъ я обманулся, лучи восходящаго солнца отражающіеся отъ оконъ моей любезной издавали блѣдный свѣтъ, которой измѣнилъ моему зрѣнію. — Я увидѣлъ изъ дому выходящаго человѣка обернушаго въ мантіи, которой поговоривши тихо и посмѣявшись съ молодою женщиною, которая его провожала, ушелъ въ улицу и дверь затворилась. — Явленіе сіе взволновало душу мою новыми безпокойствами и ревностію. — Я прохаживался большими шагами; у оконъ верхняго этажа гардины были раздернуты и молодая женщина у оныхъ показалась. — Ахъ! вѣроломная, вскричалъ я. — Измѣнница! образъ твой не будетъ уже болѣе преслѣдовать меня! — Будете справедливы, государь мой: та которую вы поносите, ни мало не обязана вамъ своею вѣрностію! отвѣчала она громко

засмѣялись. — Это былъ голосъ Ерминіи; ахъ это ея голосъ. — Повторялъ я съ чувствомъ прискорбія.

Ночь провелъ я наимучительнѣйшимъ образомъ, мрачною печалью и жестокое опчаяніе заступила мѣсто измѣнившей мнѣ надежды — Желаніе узнать обстоятельно сію загадку — разорвавъ несносныя цѣпи жестокой моей сироты — или желаніе кое въ тайнѣ я образовалъ, услышать оправданіе отъ Ерминіи — зavelи меня къ куincu; онъ проводилъ меня въ его магазинъ, и развернувъ нѣсколько новыхъ поваровъ, отъивалъ ихъ съ необычнымъ краснорѣчіемъ. — Послушай, сказалъ я ему, отнеси кусокъ сей нафты къ госпожѣ сего дома показывая — что на прошивъ нвоей лавки. — Возьмѣ денеги. — Къ госпожѣ сего дома, отъивалъ онъ съ усмѣшкою? да развѣ вы знакомы съ нею? — О она оживоворяетъ всю уединенную нашу улицу, я желалъ бы чгобъ и всѣ плапильщики были столько великодушны какъ вы. — — Хорошо отнесу. — Я краснѣлъ. Не знаешели что случилось съ госпожею

сего дома.—Она невзпно исчезла.— Сего дня! спросилъ я съ жаромъ. — Съ недѣлю тому назадъ, опивчалъ купецъ — сосѣдъ мой прешьяго дня купилъ сей домъ для маперн той снзходительной дѣвицы, для которой вы купили пафту сію — Туль по я открылъ себѣ глаза. Да гдѣже живеть прежняя хозяйка сего дома? въ Оспіи говоряшь.

Я споялъ задумавшись, между тѣмъ купецъ завернулъ маперію: пошлише съ человекомъ, сказалъ я ему при вопрошеніи его взядѣ, и велите сказать сей милой особѣ, что я ее прошу принять сей подарокъ отъ человека, которому она вчерась сказала нѣчто въ разсужденіи женской вѣрности — Я почелъ за лучшее оставить купца въ его невѣденіи, нежели дасть ему проникнуть истинну; непримѣшнымъ образомъ обратилъ разговоръ къ Ерминіи, не подавши ему ни малѣйшаго виду въ участіи, кое я бралъ въ скоромъ ея опѣздѣ — По окончаніи сего я вышелъ на улицу, и видѣлъ ту самую дѣвицу къ которой послалъ подарокъ, у окна сего любез-

наго для меня дома; она дожидалась моего выхода, и увидѣвши меня, сдѣлала знакъ взаимнаго согласія; — она была прекрасна. — Но сердце мое принадлежало другой, и я холодно ошвѣчалъ на ея предупрежденія.

Ерменія была невинна. — Симъ сладостнымъ чувствіемъ оживилось мое сердце. Я приводилъ себѣ на память разговоръ ея съ подругою, и не сомнѣвался болѣе что она выѣхала изъ Рима для предосторожностей опъ какого нибудь ея безвокоющаго. — И въ шу же минушу опсправился въ Оспію.

Два дни провелъ я въ щетныхъ по-вскахъ въ семъ небольшемъ городкѣ — занималъ попаенныхъ разыщиковъ, и награждалъ щедро за малѣйшія сходспвенныя опкрышія — но все было бесполезно, никто ни въ городъ ни въ окреспности не переселялся — и я возвратился въ въ Римъ. — Можешъ бышь не для поголи сказали въ Оспіи, чпобъ скрышь истинное ея убѣжище. — Но ревность говорила — ея любовникъ богатъ, зна-

пень; ея же состояніе посредственное. — Она женщина какая въроянность, что она съ презрѣніемъ опвергнула оказываемыя ей услуги опъ шакаго челоѡка ! — Безъ сумнѣнія проделжала она: сіе необходимо нужно чтобъ ея пребываніе было скрытно; увы! можетъ бытъ и въ сію минуту любовь ея къ сему недостойному , преображаетъ уединенное ея жилище въ великолѣпный замокъ.

Восемь дней провелъ я въ шакомъ мучительномъ положеніи и пустыхъ надеждахъ, всѣ поиски мои опшались безъ успѣха. — Однога вечера возвращаясь домой, малинькая дѣвочка подошла ко мнѣ, и опдавши записку, исчезла сказавши сіе: госпожа моя надеется, что вы сами принесете ей опвѣтъ. Вошедши въ горницу, развернулъ записку и читалъ слѣдующее:

„Будьте справедливы, государь мой,
 „повторяю вамъ еще разъ. Не ужъли вы
 „думаете что я столь неблагодарна,
 „что не хочу соопвѣтствовать вашимъ

„спаранїямъ въ разсужденїи моего съ
 „вами знакомства? Вамъ меня въ помѣ
 „не легко увѣришь. — Однако призна-
 „юсь вамъ — вы мнѣ кажешесь въ сей
 „Инпригѣ весьма искусны. — Какъ бы
 „мо не было, но малинькая ваша дерзость
 „нравяшся мнѣ до чрезвычайности —
 „Къ сожалѣнію моему объявляю вамъ,
 „что пребуду на всегда для г: Палади-
 „на также безкорыстною какъ и для
 „васъ. — Увидѣвъ измѣнившую мнѣ на-
 „дежду, бросилъ съ досадою получен-
 „ную записку.

Слѣдующій день разсматривая кар-
 тинную галерею спарался научиться
 различать ихъ красоту, а къ сему над-
 лежало чтобы разсудокъ зрителя былъ
 спокоенъ, и пристрастія къ онымъ не
 препятствовало назначать имъ истин-
 ную цѣну. — Между прочими одна
 картина представляющая прелестныя
 черпы женскаго лица совершенно сход-
 ствовала съ Ерминією; — Сей не-
 сравненный образъ казался быть сдѣланъ
 съ великими спаранїями, остальные же
 послѣ сей не привлекали на себя моего
 вниманїя; предпочпивши искусиво ру-

ки сего живописца предъ прочими, выставляя на картину же живо представляющую остатки древности.

Я велъ тогда жизнь весьма уединенную. Всѣ друзья мои оставили Римъ, кромѣ тѣхъ, которые согласились со мною воужировать, остались дожидаться въ Генуи. — Я не совсемъ потерялъ надежду отыскать мой предметъ. — Время награждаетъ терпѣніе, мнѣ нужно было разогнать мою скуку; и я ходилъ часто въ кофейной домъ. — Однажды когда мнѣ случилось въ ономъ бытъ: читалъ газеты, и вставши пошелъ въ залъ гдѣ играли въ шахъ и масть; я любилъ сію игру и думалъ что въ оной искусенъ; два игрока казались бытъ очень заняпы ихъ партією и играли превосходно. — Тотъ кошорой при моемъ приближеніи проигрывалъ, при первомъ на меня взглядѣ показавъ свою прозорливость и тонкость своего искусства, что удивило меня до чрезвычайности. — Сдѣлавши еще выступъ долженствующій рѣшить игру принудилъ своего соперника прибѣгнуть къ хитрости, кошорый приподнявши

свою голову, бросилъ на меня выразительный взглядъ. — Никогда еще не видывалъ столь достойной замѣчанія фізіономіи; черты лица его были очень пріятны; проницательная улыбка, страшные глаза, степенность его среднего возраста, живо изображались на его лицѣ; чѣмъ больше его разсматривалъ, тѣмъ болѣе казалось мнѣ, что съ нимъ случилось какое нибудь чрезвычайное приключеніе.

Партія была окончана, потѣ которой былъ въ проигрышѣ, вспалъ. — Не хотѣли вы сдѣлать мнѣ одну? спросилъ меня другой. — О, я себя за честь считаю сдѣлать вамъ сіе удовольствіе, отвѣчалъ я, сѣвши, онъ между тѣмъ все приутоговилъ. И я игралъ съ жаромъ сіе разогнало нѣсколько мою задумчивость: при шестомъ моемъ выходѣ я сдѣлалъ матъ. — (обравши всю шонкость моего искусства для другой партіи чтобъ не быть побѣжденнымъ. — Въ то время какъ мы играли, я примѣтилъ что онъ часто посматривалъ на меня, когда глаза наши всмѣрщались,

тогда важность его нѣсколько смягчалась, и я употребилъ всѣ мои силы дабы одержать побѣду при семъ послѣднемъ сраженіи; но предвидѣвши что соперникъ мой еще угрожалъ мнѣ, я удивился разборчивости его, съ коею онъ распорядилъ свои планы. Игра его казалась бытъ нѣсколько замѣшана. — И я въ восторгѣ вскричалъ. — Пропалъ Король! — Это правда, его невозможно спасти, сказалъ незнакомой, копорой до тѣхъ поръ сидѣлъ ни говоря ни слова. — Невозможно его спасти, прервалъ мой соперникъ съ важнымъ видомъ обернувшись къ нему — лишь мы принялись за игру, какъ побѣда уже была одержана мною. — Я за ничто щипаю разсѣянія вашей скуки и выигрышъ которой я имѣлъ съ начала; ежели вы хотите большаго удовольстворенія, вы найдете меня здѣсь въ семъ же самомъ часу.

Я возвратился домой, нетерпѣливо желая знать его покороче. — На другой день въ вечеру пришелъ опять въ кафе и дожидался его. Онъ пришелъ одинъ, и шоропливо ко мнѣ подходя —

я ушелъ изъ самаго веселаго собранія , сказалъ онъ мнѣ, и не надѣялся почти васъ найти здѣсь. — Ежели вы не имѣете причинъ, которыя бы вамъ препятствовали въ ономъ бытъ, то я вамъ предлагаю шуда идти, тамъ друзья мои ожидаютъ меня. — Естли только вамъ сіе угодно, то охотно оно принимаю. — Мы пришли въ собраніе. — Оно состояло изъ друзей моего провожащаго и многихъ постороннихъ, которые между собой занимались различнымъ образомъ Выигравши парію шаха и мапа я замѣнилъ что нѣкоторые уходили въ ближнюю комнату, гдѣ слышанъ былъ денежной звукъ происходящій изъ многихъ кошельковъ. — Не дѣлаетъ ли кто здѣсь банкъ? спросилъ я. — Дѣйствительно такъ. — Вы мнѣ позволите . . . Хотя я былъ и очень несчастливъ, но я любилъ сію отважную игру. Я проигрывалъ, и чѣмъ больше горячился, тѣмъ болѣе былъ несчастливъ ; одинъ незнакомой, которой стоялъ тогда возлѣ меня, взявши мои карты, и въ нѣсколько минутъ обыгралъ въ двое больше , нежели сколько я проигралъ прежде.

Вы играете весьма щасливо, ска- залъ я ему, взявши опѣ него каршы мои. — Нѣтъ — прошиву прочихъ дней менѣе. Не хошители вы воспользоуашься сею щасливою минутою? — спросилъ я. — Вы сего желаете отвѣчалъ онѣ, сѣвши за столъ напрошивъ меня? онѣ выдернулъ каршу и бросилъ на золото лежащее передъ нимѣ. Сїя была перь- вая которую онѣ проигралъ. Онѣ сѣ хо- лодностїю оподвинулъ проигранныя деньги и удалился. — Въ продолженїи нѣсколькихъ дней проигравши всѣ налич- ныя мои деньги, сѣ удовольствїемъ при- нялъ оную сумму опѣ одного изъ зри- щелей, кшорой казалось бралъ участїе въ семѣ банкѣ, и кшорому наконецъ долженъ былъ дать вексель въ 500 гине- яхъ на коммерческой домѣ, сѣ конмѣ имѣлъ тогда сношенїе.

Видѣли ли какѣ я нещасливо игралъ? спросилъ я у незнакомаго; написавши переводной вексель. — Да! я вижу что вы имѣете всѣ предусмотрительности игрока. — Я не знаю, отвѣчалъ я, въ смѣхъ большихъ играхъ, какѣ шолько два

слѣпыхъ случая, по естѣ: оставить на произволъ жребія зависящаго отъ природы и пѣхъ самыхъ вещей, которыя какъ сказываютъ поправляютъ наше состояніе. — Естѣ еще и прешей, но по уже будешъ повелѣвать самую фортуною; пѣсныя границы нашихъ затрудненій всегда бываютьъ причиною нашихъ несчастій — Я смотрѣлъ на него съ видомъ желающимъ спросить его, что онъ чрезъ сіе хотѣлъ сказать ; но онъ замолчалъ и друзья его разлучили насъ.

Купецъ на коего я надписалъ вексель, прислалъ мнѣ его на другойже день гошовымъ. Я смотрѣлъ бумагу, и увидѣлъ что мой кредиторъ написалъ сумму въ 1500 гиней. — Но я успѣлъ воспользо-ваться сего предусмотрительностію. Безсмыдство сего гнуснаго обмана, про-нуло меня болѣе нежели, потеря кою онъ причинилъ мнѣ. — Пересказавши сіе моему незнакомцу при перьвомъ съ нимъ свиданіи — лице его казалось бытъ мрачнымъ, онъ пребывалъ отъ меня по-дробностей и съ видомъ участія, ска-залъ, о низкой челоуѣкѣ! — Мы расша-

лись; пришедши домой, мальчикъ подалъ мнѣ записку — и я угадалъ что сіе было какое либо назначенное свиданіе благосклонной красавицы старающейся привлечь меня къ себѣ. положивши ее безъ замѣчанія въ карманъ, вошелъ въ мою комнату въ коей висѣлъ портретъ Ерминіи. Наконецъ любопытство побудило меня развернуть записку, я увидѣлъ незнакомую руку и съ чрезмѣрнымъ удовольствіемъ читалъ слѣдующее:

„Любовь, пламенная любовь, безъ сум-
 „ненія извинишь въ глазахъ твоихъ дв-
 „вицу, которая щепотно сражаясь съ
 „жестокостію своей спраси, опважи-
 „ла на поступокъ, коего кромѣ холод-
 „наго сердца осудишь никто не можетъ.
 „ — Любезный иносстранецъ, приходи
 „сего дня въ полночь къ Тревизскому
 „фоншану и дай себя проводить женщи-
 „нѣ ксторую ты найдешь памъ
 „въ объявіи неперпѣливо ожидающей
 „ те Ф. . . .

Это ты Ерминія! это ты! вскричалъ
 я въ изступленіи. — Минута перваго

удивленія прошла, и пайныя сомнѣнія взволновали душу мою ; — ночное свиданіе не соображалось съ мыслями, кои я имѣлъ о характерѣ Ерини: самолюбіе не умедлило положиши предѣлъ симъ неизвѣстностямъ — и я ожидалъ съ нешерпвнѣемъ полуночи.

Пришедши на назначенное мѣсто, женщина приблизилась ко мнѣ, и по причинѣ темноты взявши меня за руку, проводила къ каретѣ недалеко находящейся.-- Она сѣвши подлѣ меня опустила гардины и не взирая на всѣ усильныя мои прозбы сказать имя ея госпожи, оплѣвчала — не знаю — вы о семъ можете спросиши у ней самой, ежели благополучіе коимъ вы ѣдите наслаждаетесь. — дастъ вамъ на оное время. — Не болѣе прошло получаса какъ карета наша оспановилась — старуха опперла калынку и ввела насъ поспѣшно въ домъ. Заспавивши нолихоньку взойти по лѣсницѣ, провела чрезъ многіе тѣсные коридоры — и я наконецъ взошелъ въ немную комнату, гдѣ почувствовалъ приятный запахъ.

Глубокая тишина царствовала во —

кругъ меня. — Сердце мое билось съ не-
 обыкновенною скоростію въ ожиданіи вели-
 кихъ удовольствій, — ходивши тихо по
 комнатѣ, прислушиваясь, на конецъ на-
 шель я нѣчто похожее на софу; и услы-
 шаль что то тихо дышало, — какъ
 вдругъ почувствовалъ удержаннымъ се-
 бя нѣжною рукою которая привлекала
 меня въ объятіи, и прижимала къ
 біющемуся сердцу. Я встрепилъ пла-
 менныя уста, которыя искали моихъ
 и осыпалъ ихъ горячими поцѣлуями. —
 Въ сію минушу въ дали сей ком-
 наты показался бледный и слабый свѣтъ
 живо изображающій сладострасную по-
 мнность, — Щасливая минуша! женщина,
 которую держалъ я въ своихъ объяті-
 яхъ, была прекрасной шаліи; черны лица
 ея не менѣ были прелѣсны какъ и
 нѣжность ея сложенія. — Красавица сія
 лежала на софѣ размѣшавшись, прелѣпн
 ея прикрытыя однимъ только флеромъ,
 ежеминушно встрѣчались дрожащимъ
 рукамъ моимъ Но увь! ешо была
 не Ерминія. — Я стоялъ у ногъ ея на ко-
 лѣняхъ, чипая въ глазахъ ея пылоспъ...
 жадлежипъ ли тебя обманушь, оказала она

въ испуганіи? — но чтобъ сдѣлать себя щасливымъ, — прижавши меня къ своей груди, по надо Тогда по я увидѣлъ что сумнѣніи мои были основательны; — никто меня сколько не удивилъ какъ сія снисходительная дѣвица, шакорымъ образомъ желающая изъяснить свою благодарность, Смущеніе колебавшее тогда мое чувства не скоро утихло и можетъ быть безпрестанно возрастающая, было бы для меня опасно, есплибы судьба еще бодрствующая надъ мною, не избавила оны сего приключенія, которое безъ сумнѣнія было приуготовлено для моего изнеможенія. — Сударыня! ваша мапушка еще тамъ! — сказала испуганнымъ глосомъ ея повѣренная, поспѣшно вѣтжавши въ комнату гдѣ мы находились. — Она вспала и казалась быть въ великомъ смятеніи. — Постарайся ея удержать, — и объ нашей безопасности, сказала она выславши ея вонъ.

Между тѣмъ прохаживаясь по комнатѣ въ великомъ безпокойствѣ, сказалъ моей красавицѣ: — Вы кажешься не меньше моего въ опасности. — Подайте мнѣ средство избѣгнутьъ прежде нежели сіе

откроютъ. — Средства, ахъ! сего невозможно, сказала она мнѣ съ чувствительностію. — Я не думаю чтобъ мапушка возвратилась, она хотѣла ночевать у одной изъ своихъ пріятельницъ — она бережетъ ключъ дома въ своей комнатѣ и ложится спать всегда послѣ насъ; малѣйшія ваши распоряженія выпши изъ дому могутъ ея разбудить. — Вы можете сіе сдѣлать подъ какимъ нибудь предлогомъ, сказалъ я. — Ни подъ какимъ. — Никто не въ состояніи извинить меня въ глазахъ ея. — Я боюсь чтобъ сіе не открылось. — Ахъ! надѣжитъ ли чтобъ безстыдство, въ кое любовь меня ввлекла, было споль жестоко наказано? — она бросилась съ печальнымъ видомъ на софу и казалась болѣе прелѣстна въ семъ положеніи. — Я приблизился къ ней. — Она посадила меня возлѣ себя. — Обнявши нѣжно своею рукою около моей шеи, смотрела на меня помными глазами. — Не уже ли еще ты меня не любишь, сказала она мнѣ, прижавши крѣпко къ своему сердцу, чтобъ пробыть со мною нѣсколько часовъ? — останься въ сей комнатѣ, а я пойду въ

своею . . . завтра на разсвѣтѣ домъ будешь опворенъ , машушка моя спитъ очень долго, и ты можешь выпити не бывши замѣченнымъ.

Вы имѣете удивительное дарованіе поступать съ покойнымъ духомъ въ шаковыхъ опасныхъ случаяхъ. — Но я не вѣрю чѣмъ вы дѣйствительно сдѣлали мнѣ сіе предложеніе. — Да, въ самомъ дѣлѣ, отвѣчала она, — если вы не имѣете съ собою веревочной лѣспницы, какъ обыкновенно въ шаковыхъ случаяхъ поступающъ не усмрашимые любовники. — А наипаче надлѣжитъ быть опчаянному и решительному чѣмъ выпрыгнуть въ сіе окно. . . да ещо правда, лучше подвергнуться подобной сей опасности нежели оспанцъся съ шакою любовною дѣвушкою.

Служанка возвратилась назадъ вся запыхавшись, и сказала, что госпожа ея иденъ уже подлѣспницѣ. — Фосфина ввела мѣня поспѣшно въ спальню свою, откуда вскоре слышалъ я нѣкоторыхъ голоса, и въ сіе время надлежало быть рѣшительну; поведеніе сей дѣвицы съ

того самого вечера какъ я съ ней познакомился, совершенно оправдало шъ сумнѣнїя, кои я имѣлъ съ начала, что со стороны ея мапери опасаться было не чего. — Возможно ли сіе, чтобъ честная женщина не знала поступковъ безстыдной ея дочери, я почелъ за нужное быть немного пооспорожнѣе, жоня сіе для Фоспины и не съ лишкомъ было нужно: не ожидалъ такъ же и многому подвергуться, по тому что безприсрашность, которую внушили мнѣ съ лишкомъ вольной ея прїемлѣ и разныя наглости, казалась быть довольно сильною защипою пропивъ ея прелѣспей и опасности быть онымъ покорнымъ.

Решились ли мой почтенной Кавалеръ? спросила меня Фоспина съ усмѣшкою, отворивши дверь у своей комнаты надлежитъ непремѣнно чтобъ вы сіе исполнили: — что же касается до меня, то я не вижу шущь никакой трудности. — Соглашаюсь на сіе странное предложеніе, съ холодностію отвѣчалъ я, по тому что сіе необходимо нужно. — Да, но съ крайнимъ сожалѣ-

нѣмъ, не правдали? . . . Глухой фило-
софъ, продолжала она запинаяся; — сколь-
ко молодыхъ любезныхъ людей счита-
ли себя наисчастливейшими, ежели та-
ковой нечаянной случай имъ въ полови-
ну пропивъ тебя благопріятствовалъ. —
О! я симъ совершенно убѣжденъ, опивъ-
чалъ я, и очень чувствую великосшь мо-
его благополучія. — Но чтобъ всегда съ
вами . . . то сіе было бы для меня весь-
ма опасно. Вотъ право первое любов-
ное слово, которое отъ тебя услышала.

Я былъ очень доволенъ такими вза-
имными шутками удаляющими воспа-
меняющій насъ разговоръ, или минуть
молчанія болѣе еще опаснѣйшія. — На ко-
лець горничная пришла раздѣвать Фос-
тину, которая низко мнѣ присѣвши,
ушла въ свою спальню. — Я слышалъ
ихъ тихо между собою разговаривающихъ;
нѣсколько минутъ спустя Фостина за-
пѣла одинъ пассажъ изъ дуэта (*ochietto-
furbetto*) съ восхищительнымъ выражені-
емъ. — Служанка вышла, заворивши за
собою дверь. Проходя мимо меня поже-
лала доброй ночи, съ улыбкою весьма
выразительною счастливой успѣхъ въ . .

Между шѣмъ прохаживаясь вѣ задѣ и вѣ передѣ по ксманшѣ, колеблемъ противоборспвующими между собою чувствованіями, бросился на софу; шщешно призывалъ я сонъ; воображеніе живо представляло мнѣ шѣ сладкія минушы кои я упустилъ. — Оно изображало мнѣ прелѣстной образъ Фосшины съ самыми пріятными картинами. — Вспламененъ сими чувствованіями, приблизился къ дверямъ ея спальни, слыша нѣжное дыханіе моей красавицы, прерываемое глубокими вздохами. — Сердце мое билось съ необычайною скоростію, я опперѣ оную. — Она была не крѣпко заперта. — И приближался вѣ шемношѣ къ ея постели Ерманія нѣкогда здѣсь спала, сказалъ мой Геній; вѣ то самое время какъ я остановился, произнесши еще разъ священное сіе имя, могущее успокоить колебавшееся мое постоянство, заперѣ пошихоньку дверь какъ и опперѣ. — Она здѣсь жила, сказалъ я съ живѣйшимъ движеніемъ, когда вошелъ вѣ залъ. — Здѣсь можешъ быть прошекли перьвые годы ея младости: здѣсь она наслаждалась перь выми весенними удовольствіями ея жизни. —

Я подошелъ къ окну, звѣзды блистали на небѣ, величественная луна освѣщала тѣ пріятныя мѣста, гдѣ за нѣсколько недѣль тому назадъ, скрываясь въ тени ношѣ, съ неперпѣніемъ ожидалъ явленія моей любовницы. Всѣ ея пріятныя минушны живо представились моему воображенію; я укорялъ свое сердце за непостоянство его чувствованій, и съ спокойнымъ духомъ уснулъ на софѣ, на коей лежалъ прежде.

Пробудясь, во первыхъ глаза мои встрѣпились съ Фосшиною; она стояла возлѣ софы и пристально смотрѣла на меня. Мы хранили молчаніе и она во все время нашего завтрака была не весела. Я старался разсѣять ея печаль причиненную презрѣніемъ моимъ къ ея прелѣстямъ, заводя веселый разговоръ. — Она проникнула мое намѣреніе, и не приличнымъ образомъ возвратила свою веселость; свойство нашего дружества поистинѣ очень смѣшно, сказала она, улыбаясь застѣяно. Изъ сего можно сдѣлать хорошую комедію. — Вообразите же какое дѣйствіе произвели эцены про-

медней ночи. И если бы вы къ сему прибавили нѣсколько выразительныхъ движеній, кои извѣстили бы ваши мысли и чувствованіи васъ колебавшія, — то сіе право было бы восхитительная пѣса — продолжала она сію замысловатую рѣчь, доказывающую оспрошу ея разума. — Я понялъ что она слышала какъ я ходилъ въ ея спальню и въ залъ; кончивши разговоръ, разпрощался съ ней, обѣщая вскорѣ увидѣться. Веселость ея характера была для меня весьма пріятна, я былъ совершенно въ заблужденіи: прелѣсти Фоссины могли бытъ для меня опасны, ежели бы она бережливѣе съ ними поступала; можетъ бытъ щеславіе и надежда на могущество ея красоты, побудили сдѣлать такое нечаяное удивленіе. — Если бы она употребила сіе первое средство, и не упустила минушы моего заблужденія, тогда бы совершенно покорилась, и ей не трудно было наложить на меня оковы.

Спустя нѣсколько минутъ я уже былъ дома, вошедши въ свою комнату, увидѣлъ на столѣ деньги прикрытые не много бумагами лѣжащими на ономъ.

Ихъ щепомъ было тысяча гиней, съ надписью: что несправедливоспъ у васъ похишила, но правосудіе вамъ возвращаетъ. — Я вспомнилъ полчасъ о незнакомцѣ, и спрашивалъ своего слугу, кто принесъ сіи деньги; отвѣтивъ его былъ, что никого не видалъ; я присупалъ, угрожалъ, но все было напрасно; но какъ я его недавно еще взялъ въ услуги, по не совсемъ на него полагаюся; онъ усуполя въ своемъ отвѣтѣ и оставилъ меня въ удивленіи и не извѣстности какъ отвѣчать на письмо находящееся вмѣстѣ съ деньгами. — Убытки мои вознаграждены, сказалъ я того же самаго вечера незнакомцу, съ которымъ встрѣтился въ кафе. — Мое почтеніе, отвѣчалъ онъ улыбаясь, и когда я хотѣлъ продолжать говорить о сей странности, то стараніе его переменить рѣчь, заставило меня думать что онъ въ семъ участвовалъ. Онъ рекомендовалъ мнѣ одного изъ своихъ друзей не давно прибывшаго изъ Венеціи, и сколь велико было мое удивленіе, когда услышалъ его называющаго меня по имени и рассказывающаго мѣсто моего рожденія, и съ какихъ временъ оставилъ я Англію.

По прошествіи двухъ дней, случилось мнѣ бысть у церкви св: Іоанна Лопрана; оспановившись на нѣсколько минутъ, смотрѣлъ на великолѣпной обелискъ, какъ вдругъ увидѣлъ незнакомаго. — Онъ тихонко попрепавши по плечу, спросилъ меня, не хочу ли я разбиратъ Героглифные знаки. — — Сіе бы было ищешное предпріятіе, отвѣчалъ я; я давно желалъ узнать ихъ тайнственностъ, не заключающъ ли они въ себѣ какихъ сокровищъ. — Конечно заключающъ, продолжалъ онъ. — Я желалъ бы чтѣбъ вы обозрѣли эту славную землю гдѣ таинственныя знаки повсюду съ вами встрѣяшся; вы оныя увидѣли бы на величественныхъ развалинахъ Фебесовъ, на сшапуняхъ воздвигнутыхъ симъ Царямъ, и еще бы увидѣли на стѣнахъ священныхъ храмовъ превосходную живопись, въ каменешныхъ горахъ выѣченныя ужасной величины пещеры поддерживаемыя огромными столбами и пр: вы вѣрно бы такъ же повѣрили какъ и я, увидѣвши ихъ въ первой разъ, чтѣ всѣ сіи таинственносты предохраняемы зависшавы

ни духами. — Вы были въ Египтѣ ?
спросилъ я его шоропливо.

Я родился въ сей прекрасной споро-
нѣ, отвѣчалъ онъ; и разсказалъ мнѣ, по-
кажётся мы шли, что онъ родился въ
Каирѣ и происхожденія былъ Гофировъ ;
вожировалъ по всему Египту, и након-
ецъ уже пять лѣтъ какъ живетъ въ
Римѣ. — Вы конечно можете решить,
спросилъ я, вопросъ весьма любопытной,
понятіе Иероглифовъ на всегда ли бу-
детъ отъ насъ скрыто, и не останет-
ся ли намъ хотя малѣйшей надежды по-
знать цѣну сихъ знаковъ? — Я неперъ-
завящъ, отвѣчалъ онъ, и хочу употре-
бить большую половину своей жизни, на
разпознаніе сихъ таинственныхъ буквъ;
хъ сему есть великія трудности, но я
нашелъ способъ. Вы безъ сумнѣнія поду-
маете, что оныя средства неспособны
хъ ясному исполкованію; но почувствуй-
те удивленіе какое ощущаютъ, когда
завѣса скрывающая отъ насъ прошедшее,
будетъ поднята, и мы повергнемся предъ
испосичникомъ излившимъ просвѣщеніе
между древними мужами, которые со-

обидли оное своимъ современникамъ и попомкамъ.

Каждое свиданіе съ онымъ рѣдкимъ человѣкомъ, каждое слово исходящее изъ устъ его, болѣе меня привязывало къ нему, и увеличивало мою къ нему довѣренность. -- Одного вечера когда сидѣлъ я въ своей комнатѣ, будучи занятъ размышленіями, какъ приходилъ мой слуга, и приносилъ врученное ему неизвѣстнымъ человѣкомъ письмо, слѣдующаго содержанія.

Я замѣтилъ что дружба ваша съ Египтяниномъ Вонованшюра увеличивается, по чему и заключилъ, что вы конечно не знаете сего опаснаго человѣка, что же касается до меня, то я знаю какъ вески себя въ разсужденіи его, и если ли спокойствіе ваше для васъ драгоценно, — совѣтую вамъ убѣгать его, онъ не чувствительнѣе вовлечетъ васъ въ неизбѣжную пропасть. Если же сего предувѣдомленія не довольно, чтобъ васъ въ семъ увѣришь, и хошите имѣть ясныя доказательствва: я соглашаюсь объяснить вамъ на сіе причины. Если ли

вы будете завтра въ Кафе . . . , то поприше лѣвою вашю рукою три раза по лбу и я вамъ тогда откроюсь.

Письмо сіе привело меня въ замѣшательство, не отъ того что оно могло бы удержашь меня въ намѣреніи снискашь дружбу Бонованшюра, но потому что легко могъ угадать почему обыкновенно люди по однимъ своимъ предразсужденіямъ связь сію называютъ опасною; надѣясь узнать обстоятельно причины, которыя незнакомой общалъ мнѣ изъяснить, я пришелъ на назначенное мѣсто; пошерши три раза рукою по лбу, замѣнилъ, что недалеко находящейся отъ меня сухощавой человекъ, повторивши мои знаки пошелъ въ ближнюю комнату, чему и я не удивляль.

Очень радъ, государь мой, сказалъ онъ мнѣ, увидѣвши что мои совѣты произвели свое дѣйствіе; вы желали слышашь подробныя объясненія, я вамъ оныя сдѣлаю. — Знайте, что сей Гофшъ, которой уже пять лѣтъ какъ переселился сюда жить, служилъ переводчикомъ обществу учрежденному для рас-

прощраченія вѣры. — Одинаго дня на-
шелъ я его сядящаго на обрушившейся
колонѣ Мемноновыхъ развалинъ; шайная
склонность привлекла меня къ нему, и
мы вскорѣ попомѣ клялись вѣчною
дружбою на обломкахъ одной огромной
спашуи. . . . Правда я избѣгнулъ, пре-
жде нежели бездна злоключеній меня по-
глошила; но спокойствіе жизни моей на
всегда потеряно для меня. — По чему
же вы его лишились? спросилъ я его. На-
дежда проникнуть наисокровеннѣйшія
шайнства природы; не ужли сдѣлала
столь слабое вамъ впечатлѣніе? да и по-
чему же отважность достигнуть цѣли
вашихъ желаній, споила спокойствія ва-
шей жизни? — Онъ успремилъ на меня
глаза свои, и сказалъ съ видомъ увѣренія,
убѣгай молодой человекъ, ты можешь
быть вовлеченъ въ бездну по одной швоей
легкомысленности, ты долженъ вѣрнись
пожилому и равнодушному человеку,
увѣдомляющему тебя о опасности, къ
коей ты приближаешься. — — Раздраженъ
сими послѣдними словами, отвѣчалъ ему,
государь мой, я кажешся дѣлаю всѣ ува-
женія принадлежашія вашей опытности

и равнодушію; но вы я думаю и сами согласитесь, что опчетъ въ сей связи кромъ себя никому опдать не обязанъ.

Все что мнѣ ни описывали споль щеными красками, только что возбуждало желаніе мое снискавъ довѣренность такого челоуѣка, коего ищущъ помрачить слухи объ немъ разнесшіяся, казались съ начала вѣрояными, и начали было внушать въ меня сходственные имъ предчувствозанія. — Бонованшюра былъ уже въ залѣ, когда я въ оную вошелъ: мы говорили о постороннихъ вещахъ, и на концѣ разговоръ сдѣлался общей. Мы вышли, онъ былъ задумчивъ и не говорилъ ни слова. Когда должно было намъ разойтися по своимъ домамъ, онъ прервавши молчаніе, сказалъ: вамъ совѣтовали мнѣ не довѣрять? сіе могло бы васъ огорчить, еспли бы я спалъ говоривъ вамъ болѣе. Вы безъ сумнѣнія думаете, что челоуѣкъ съ моими свойствами, всегда даеся въ подобныя симъ обстѣяшельствы. — Чрезвычайно удивился услыша сіе, я спомрелъ за нимъ въ слѣдъ онъ поспѣшно меня опсавилъ, и я возвратился домой.

Вы очень хорошо сдѣлали, что во время пришли, сказалъ мнѣ Бонваншюра, увидѣвши меня въ обыкновенномъ мѣстѣ нашихъ свиданій, гдѣ онъ уже находился съ многими своими друзьями. Вы конечно пришли сюда послушать весьма любопытныхъ новостей, которыя г. Жюваннь привезъ намъ изъ Венеціи. — Я узналъ незнакомца, которому онъ меня рекомендовалъ, и которой въ удовольствіе мнѣ началъ снова рассказывать.

Около десяти мѣсяцовъ тому назадъ, какъ одинъ молодой человекъ преисполненный разума и мужества прѣзжаетъ въ Венецію. Прекрасная его талія, пріятный видъ, соединяющъ въ себя все выгоды въ разсужденіи побѣды надъ прелестными дѣвицы; и привлекающъ на себя все вниманіе нѣжнаго пола. — Не прошло ни одной недѣли чтобъ не имѣлъ многихъ назначенныхъ свиданій, и чтобъ не прерывалъ обязательствъ съ первой для условія съ другой. Три мѣсяца прошло въ пиковомъ родѣ его жизни, какъ однажды назначено было одно пріятное для него свиданіе; съ нѣсколькихъ дней,

онъ получилъ снисхожденіе одной молодой особы которой носилъ оковы, и сіе намѣреніе сдѣлашья непостояннымъ, не было безъ дѣйствія. Онъ неперпѣливо желаеиъ достигнуть новой щасливой минушы, коею долженъ наслаждашья на назначенномъ мѣстѣ у ев: Марка.—Гондольщикъ взявши его за руку, проводилъ въ его судно, и вскорѣ приспалъ у берега Брешиы, прошивъ одного затороднаго дома не далеко оиъ онаго находящагося. Просилъ его вышши, и обѣщаль дождидашья. — Здѣсь, щасливой молодой человекъ находилъ молодую женщину, превосходящую красоной всѣхъ нѣхъ, коихъ видѣлъ до нея; она приняла его съ чувствительностію, и неописанная радость съ обѣихъ споронъ была равномѣрна. Едва лишь мрачная ночь прикрыла темнымъ своимъ покровомъ сладостныя ихъ удовольствія, какъ любовница просилъ его поспѣшно удалиться; но нѣжныя ихъ поцѣлуи запыряютъ ея уста, въ ту самую минушу, когда она хочетъ возобновишь свою прозьбу; на конецъ приказываетъ повелительнымъ голосомъ не мѣдлитъ болѣе

ни минулы. И потомъ съ видомъ чувствительности, сказала, что она всякой вечеръ будетъ принимать его въ часъ полуночи. — Освѣщенная Гондола уже дожидалась его; нешерпѣливой спарикъ принявшись за весло, разсѣкалъ волны всплывающія блескъ отъ огня находящагося на оной. — Три раза уже какъ онъ наслаждался въ объятіяхъ своей красавицы, до извѣсненія спрасшной любви, въ которой онъ желалъ открыться, она ему отвѣчала: — Я увѣрена что ты меня любишь; и не имѣю нужды въ твоихъ извѣсненіяхъ; — но могу ли положить на твою вѣрность? — Нещасіе тебѣ ежели ты измѣнишь мнѣ! — Надлежитъ думать, что молодой человѣкъ спарался снискать ея довѣренность, и своими краснорѣчивыми увѣреніями успокоить свою любовницу. — Чувствительная женщина легко вѣритъ клятвамъ вѣрной и постоянной любви, и въ минулу наслажденія, упоеннымъ въ сладостномъ удовольствіи, какыя клятвы всегда кажутся истинны и чисто-сердечны. — Въ печеніи цѣлаго мѣсяца не пропустилъ ни одного вечера

чтобъ не видавъся съ нею у назначеннаго мѣста, и Гондольщикъ прѣзжалъ за нимъ всегда въ извѣстной часъ. Милая его, всякой разъ когда только принимала его, оказывала новые знаки ея нѣжной къ нему любви.

Всѣ сіи ласки, всѣ предупрежденія, не могли ушущипъ въ сердце молодого человека, желанія къ перемѣнѣ. — Онъ видѣлъ до нея одну молодую вдову; она ему понравилась, и былъ любимъ. Возвращаясь домой, первая его мысль была разположитъ свои планы къ побѣдѣ надъ другой; постоянство его чувствъ измѣнило скромной и вѣрной его любовницѣ, онъ ея позабылъ и не былъ у нея болѣе недѣли. Однажды ложась спать, услышалъ онъ голосъ пѣвшаго Гондольщика, который за нимъ всегда прѣзжалъ. Онъ изумился вспомнивши угрозы обманутой своей любовницы: шестно спарался онъ уснуть; пѣніе Ромаса, которое служило знакомъ его прежнихъ свиданій, непрерывалось у его окна, послѣ полуночи еное умолко, печальные сны безпрестанно его беспокоили; пробудясь, онъ взялъ твердое намѣреніе слѣдующаго дня, воз-

вращишься къ своей прежней любви-
 дѣ, и просить прощенія; но свиданіе съ
 прекрасною вдовою разрушило предпрія-
 ніе его, не взирая на всѣ противополо-
 жающія кляпвы, вѣрности его сердца.
 По возвращеніи съ онаго, безпокойства
 причиняемая ему безсонницею его, во-
 зобновились: пѣніе Романсовъ было ши-
 хо, жалостно, и оплывалось въ его спаль-
 нѣ сипенящимъ голосомъ, ужасныя при-
 видѣнія терзали его мучительными воо-
 браженіями, внушали въ него несчастныя
 предчувствія. По утру слѣдующаго дня
 нанявши Гондолу поплылъ къ устью
 Брепны, хопя его прежняя любовница
 и запретила днемъ казаться. Онъ замѣчалъ
 положеніе загородныхъ домовъ; вы мо-
 жете судить какое было его удивле-
 ніе, когда увидѣлъ обширные сады двухъ
 небольшихъ деревень расположенныхъ
 одна возлѣ другой, на томъ самомъ мѣ-
 стѣ гдѣ за нѣскольکو недѣль находился
 храмъ ночныхъ ихъ удовольствій. Между
 всѣми окрестными домами не было ни
 одного которой бы сходствовалъ въ симъ;
 удивленіе молодого человека было нерав-
 номѣрно, когда одна изъ живущихъ тамъ

увѣряла, что во всей креспности не было ни одной женщины такой какую онъ описывалъ.

Новая любовница неспрѣливо ожидала вечера, и минуша наипрїяпнѣйшихъ удовольствїй наступала . . . Лишь свѣпило ночи испустило свой слабый свѣтъ; какъ милая для сердца женщина, находилась уже въ объятїяхъ молодаго человека, осыпающаго поцѣлуями пламенные ея уста и прижавшаго крѣпко къ своему сердцу. — Колоколь полуночи ударилъ, унылой онаго звукъ разлился изъ ближней церкви, какъ вдругъ услышали чтокто то у дверей спучалъ. — Слабый свѣтъ происходящей изъ одной только лампы, чувствительнo уменьшался, и привиденїе въ бѣлой одеждѣ мѣдленно приближалось по комнатѣ. Красавица упадеиъ безъ чувствъ изъ объятїй молодаго человека, кошорой при угасающей лампадѣ узнаеиъ тѣнь оставленной его любовницы. Она беретъ его за руку, и онъ въ нѣрѣшимости слѣдуеиъ за нею дрожащими стопами. Вскорѣ увидѣлъ въ каналѣ находящемся напрошивъ того дома, освѣ-

ценную Гондолу; приближившись къ ней, услышалъ знакомой голосъ спарика. Онъ взошелъ съ безгласною своею пуневодительницею въ судно, которое чрезъ нѣсколько минутъ пристало у одной старой церкви; онъ повиновался знакамъ, которые она ему дѣлала; взошедши по уской лѣшницѣ сего древняго зданія нѣсколько ступеней, слѣдовалъ за нею между обвалившимися колоннами обросшими мхомъ, изъ которыхъ нѣкоторыя поддерживали сводъ. Небольшой свѣтъ происходящей впереди освѣщалъ ихъ шаги. Вдругъ она остановилась предъ отвѣрстною могилою, откуда происходилъ сей свѣтъ; оборотившись къ молодому человѣку, смотрела на него пристально съ суровымъ видомъ. Ужасъ совершенно овладѣлъ имъ, лице женщины сдѣлалось очень блѣдно, и болѣе походило на мертвое. — Глаза ея лишились движенія и скрывались въ ихъ впадинахъ, покрывало сваливается съ ея плечь и открываетъ скелетъ; холодная рука какъ ледъ, коснулась лица молодаго человѣка, которой упадаетъ безъ чувствъ на полъ усланннй мраморными плитами. — Сие

было по упру, церковь ошворяють, его находятъ, и нѣсколькими спараніями выводятъ изъ безпамятства; жестокая горячка довела его почти до гроба, и онъ можетъ быть навсегда останется погруженнымъ въ мрачной меланхоліи.

Я съ нимъ познакомился предъ отъѣздомъ, примолвилъ г. Жіованнь кончивши свою повѣсть! и сіе единственно для него, что я сохраняю всѣ подробности сего необычайнаго приключенія.

Небольшое собраніе разположившееся вокругъ разсказывающаго, слушало его съ великимъ вниманіемъ; каждый смотрѣлъ на своего сосѣда, и когда онъ кончилъ, тишина еще не нарушилась и всѣ молчали. На конецъ одинъ изъ предстоящихъ возобновилъ разговоръ и утверждалъ, что воображеніе много въ семъ участвовало, другой былъ совсемъ другихъ мнѣній и ссылаясь на свидѣтельство того которой разсказывалъ сію исторію, но изъяснить оную ему казалось не возможно. — Каждой имѣлъ особенное мнѣніе, и не понималъ что думалъ. — Всѣ

нечувствительно разошлись, и я оспался одинъ съ Бонованшюра, коюрой бросившись въ крѣсла, казался бышь въ великой задумчивости.

Жалѣю, государь мой, что вы не были учасникомъ въ нашихъ мнѣнїяхъ, сіе можемъ бышь помогло бы въ семъ случаѣ, сказалъ я ему. — Вы и сами мало помогли, опивчалъ онъ. — Я не могъ себѣ возпрепятствовать, чтобъ не согласишься, что мнѣ кромѣ сумнѣнїи ничего не оставалось, и что долженъ былъ почестъ со всемъ невозможнымъ. — Чѣмъ бы я не пожертвовалъ, вскричалъ съ живоспью Бонованшюра, что бы не слышать слово невозможно, отъ челоуѣка разумнаго.

Я былъ очень радъ, что онъ начиналъ развѣстляться, и старался болѣе его занять. Мнѣ кажешся, сказалъ я, мы довольно знаемъ пока проспираются дѣйствию природы, и можемъ съ точностию судить по законамъ ея сему противорѣчимъ. — Безъ сумнѣнїя, только по тѣмъ кои намъ извѣстны. Но что вамъ побуждаетъ положить предѣлъ возможности

и истиннѣ?—Всѣ наружности, описавалъ я, могущѣ бытъ извѣсны по извѣстнымъ намъ законамъ природы — Всѣ наружности сказываеше вы? Всѣ? онъ смотрѣлъ пристально на меня — я краснѣлъ что говорилъ проптиву своихъ чувствъ. Многіе изъ нихъ безъ сумнѣнія не могущѣ извѣстны вдругъ, хотя бы и всѣ обстоятельствова были извѣстны. Я не могу васъ убѣдитъ свойствами ея, но посоветуйтесь съ опытностію, и потомъ судите, я очень почишаю вашу разборчивость, которая всегда доказываетъ великость вашего разума. Посредственность всегда подвержена небольшимъ насмѣшкамъ; вы имѣете справедливыя причины сумнѣваться, каковыхъ незнающій никогда имѣть не можетъ. — Но я на опытность болѣе полагаюсь, описавалъ онъ, которая всегда разрушаетъ мои сумнѣнія, и заставляетъ меня не признавать за истинну мои догадки. Я увѣренъ, что ваши мнѣнія основаны на опытности, согласной со здоровыми сужденіями; но могу ли надѣяться что они могущѣ бытъ увѣрены другу? — Конечно, описавалъ онъ увѣрительнымъ

телосомъ, челоуѣку скромному и чисто-сердечному.

Нѣшъ, я никогда не сумнѣвался, сказалъ ему взявши его за руку. Я давно уже увѣренъ, что дружество, такого челоуѣка какъ вы, всегда будешъ для меня: благополучіемъ. Щаспіе приведшее меня съ вами встрѣпишсья, примѣпнымъ образомъ возврапило мои надежды, пайное предчувствіе предсказывало, что вы не откажишесь въ случаѣ нужды подати мнѣ помощь. — Опчаяніе опыскаш мой предмѣпъ, и неизвѣспность могу ли я бышъ любимъ имъ, совершенно помрачили расудокъ мой и збили съ истиннаго пути ведущаго къ моей цѣли . . . Лице Бонванпюра приняло на себя важный видъ, и когда я переспалъ говоришъ, онъ обнялъ меня, вскричавши: благородной молодой челоуѣкъ! нѣшъ я не обманулся на швой щепъ, онъ обнималъ меня вшорично, и вырвавшсь изъ объятій моихъ, оставилъ поспешно, сказавши: мы завтра увидимся.

Любопысство мое доспигнуло до

высочайшей степени, я искалъ цѣлые восемь дней моего паниспеннаго друга во всѣхъ мѣстахъ гдѣ только думалъ его найти, но сіе было тщетно. — Одно-го вечера проходя мимо дома Фоспины; она сидѣла у своего окна, и не просила меня зайти къ себѣ. — Сей домъ maison publique съ перваго посещенія моего дорого мнѣ сподобъ, игра пылкихъ чувствъ моихъ часто бы меня туда привлекала, если бы оныя не были связаны съ посполянствомъ моего сердца, и раскаяніе въ невѣрности меня оубъ того не удерживало. — Надѣясь веселымъ разговоромъ разсеять печаль, кою причинила мнѣ потеря моего друга, я зашелъ къ Фоспины. — Нежданная радость! она выбѣжала ко мнѣ на встрѣчу, и приняла наипрѣямнѣйшимъ образомъ. — Вашей мапушки нѣтъ дома? спросилъ я ея тихо. — Будьте спокойны, отвѣчала она; я знаю вашу сподобную важность, и не доведу до того чтобъ вы нынѣшнюю ночь провели на софѣ, и увѣрена что вы будете много довольны. . . .

Первой предметъ представившійся

глазамъ моимъ, когда я вошелъ въ комнату, былъ подарокъ мой превращенный въ прекрасное платье, лежащій на креслахъ. — Онъ напоминаетъ мнѣ, сказала Фоспина на его показывая, двѣ комическія сцены, которыя вамъ теперь же и расскажу — Вчерась сего же самаго часа, стояла предъ зеркаломъ, осматривая на себѣ сіе платье, какъ вдругъ нечаянно, и не сказавшись, приходилъ малаго росту мужчина. — Старъ, сухъ, и кашляя подходилъ ко мнѣ казалось задыхаясь. — Государь мой, сказала я ему опснупя нѣсколько шаговъ, — мнѣ кажется что вы ошиблись; вы точно ищите лѣкаря; — онъ живетъ опсюда во впоромъ домъ на самомъ на верху. — Но онъ отвѣчалъ мнѣ что нимало не ошибся, и что я только одна могу изцѣлить заразившееся любовью его сердце. Ахъ какъ это смѣшно, если бы вы знали, что влюбленной спарикъ, мнѣ показался такимъ же смѣшнымъ пвореніемъ, какъ и молодой человекъ припворяясь, показываетъ въ себѣ безпристрастіе къ удовольствію обѣихъ половъ. — О. это нѣчто въ разсужденіи

меня, прервалъ я усмѣхнувшись.—Нѣтъ, продолжала она; ему сіе показалось досадно; а я спала опять предъ зеркаломъ. — Инакъ, что онъ меня въ ономъ видѣлъ въ самомъ прелестнѣйшемъ положеніи. На конецъ я ему сказала: ваша болѣзнь, государь мой, весьма обыкновенна; и вамъ лѣкарства нужны симпатическія, но для васъ оныхъ нѣтъ здѣсь. — Мой важный видъ заставилъ его удалиться, и онъ былъ сполько глупъ, что не понималъ насмѣшки.

Въ сіе же самое время пришла мнѣ сказать что пришелъ Г. Б: я была любопытна узнать сего славнаго волокиту; онъ вошелъ, и сказалъ, мнѣ, не вступая ни въ какую рѣчь, что причина его прихода есть та, чтобъ освѣдомиться обстоятельно о нѣкоторой дѣвицѣ Ерминіи, кошорой принадлежалъ прежде сей домъ и что я должна знать истинное ея пребываніе. Я краснѣлъ, когда услышалъ Фоспину произносящую столь драгоценное для меня имя; она пристально смотрѣла на меня, и немного спуская, продолжала съ натуральнымъ

видомъ: я его увѣряла что еще въ первой разѣ какъ слышу сіе имя, и попомъ. — Вообразите же его наглость! — онъ началъ мнѣ выхвалять прелѣсти сей дѣвицы, разказывая что уже почти былъ при началѣ веспи съ нею любовную интригу; и что она уже сдѣлала ему нѣсколько знаковъ согласія, но чувствуя себя слабою защищаться, исчезла въ ту самую минушу, когда онъ хотѣлъ дѣйствительно ея ошаковать. Онъ сіе разказывалъ съ видомъ довольнымъ собою, на что я ошвѣтствовала ему презрительною усмѣшкою, и не могла бы всего вмѣстѣ себя въ голову, естли бы не знала, что мужчины часто перетолковываютъ слышенныя отъ насъ слова въ предупрежденіе. Имъ въ семъ щещно передъ нами оправдаться. — Естли бы и всѣ слова его были истинны, то должно думать, что онъ только на удачу щасливъ.

Радость кою я почувствовалъ, узнавши что пребываніе Ерминіи сопернику моему было неизвѣстно, и новыхъ смущеній вселѣнные въ меня ревностию въ

разсужденіи связи ея съ Б, сдѣлали меня задумчивымъ. Фоспина смѣрѣла на меня улыбаясь, и продолжала не много оспановаясь. — Вотъ новая шайна предснала опять глазамъ моимъ: я вспомнилъ тотъ страннѣйшій разговоръ, которой я имѣлъ при первомъ моемъ съ вами свиданіи. Да это правда! я весьма рада видѣвши васъ, что вы еще не достигнули доненавистной слабости и нечувствительности. — Вы ошибаетесь, опивчавъ я краснѣя съ разспроеннымъ видомъ. За чемъ это? прервала она, вы можете ищеславиться вашимъ выборомъ . . . и если бы вы дѣйствительно имѣли причины жаловаться на то что называютъ невѣрностію, то минута въ которую исчезла ваша мечта, безъ сумнѣнія должна бытъ для васъ весьма опасна; но я ипуть ни мало не нахожу той странной причины, по которой вы опказали себѣ наслаждаться наипрѣпнѣйшими удовольствіями въ жизни; за чемъ надѣетесь на постоянство? что касается до меня, то я никогда не пребуду вѣрности оубъ муцины, сколь онѣ

опѣ меня оной не пребуешь : таковыми шушками она меня занимала.

Она взяла свою арфу, играла и пѣла превосходно, живо выражая образъ своихъ мыслей въ любви. — Сего дня я нашель, что повѣденіе ея было несравненно, благоразумнѣе; она употребила свою робкую скромность, въ чрезмѣрную пріятность въ своихъ ласкахъ, расщавляла свои сѣни съ чрезвычайною хипростію, шакъ что я не примѣпилъ нечувствительныхъ ея успѣховъ; она нападала всегда съ слабой стороны, — и на концѣ воспоржесствовала. Я не говорю чтобъ она всегда была достойна моихъ чувствозованій, но осипавя ея, я нашель, что время пропекло съ необычайною скоростію. — Есльи бы судьба не подала мнѣ своей помощи, и воспоминаіе о Ерминіи, которое однажды избавило меня отъ подобной сей опасности, не избавило меня другой разъ, я не имѣлъ бы силъ ей сопротивляшьяся. — Ето правда, что я мало почкпалъ сію безразсудную дѣвицу. — Но кто осудилъ? о вы, вскричалъ я въ испуленіи,

которые, въ охлажденныхъ сердцахъ, можете удержатъ или скрыть. ваши спра-
спы, скажите — преступленіе ли оныя
имѣтъ? Когда самая природа меж-
ду многими различными чувствованіями,
внушила въ насъ пылкость, происходя-
щую отъ сильнаго движенія. оныхъ. —
Нѣтъ, сіе нельзя назватъ несчастны-
ствомъ.

Пріятность ночи возбудила во мнѣ
желаніе нѣсколько прогулянься, Фаспи-
на хотѣла меня проводить, и когда намъ
должно было расстаться — шутъ въ
другой разъ я осыпалъ ея горячими по-
цѣлуями — она прижала меня къ своей
грудѣ — сердце мое начало сильно биться
и чувства мои вспламенились. — — Она
на меня взглянула — покраснѣла — — и ска-
зала, ахъ! поспой — остановись, она бро-
сидась безъ чувствъ въ кресла; — и я
въ заблужденіи, что сдѣлалъ! увы!!
куда двадое мое поспожнство! — нѣтъ,
нѣтъ, она не совсѣмъ еще воспоржесш-
вовала надомною; Ерминія. Одрагодѣнное
имя! поздно я тебя призываю въ по-
мощь; — нѣтъ? ты неизгладимо впечатл-

лѣно въ сердце моемъ, я тебя не оставлю, вездѣ за побою преслѣдую; съ сими мыслями и со знаками слабости моей, я вышелъ опѣ Фоспины. Проходя Засѣяново поле, остановился среди однихъ великолѣпныхъ развалинъ (du Fogisme. — Луна освящала остатки оныхъ, обрости небольшие кустарникомъ; которые иѣкогда гордо возвышаясь, представляли поржесивенной вѣздѣ въ великолѣпный храмъ. Благовѣннѣйшая рабство овладѣла мною, воспоминаше нѣсколькихъ пропавшихъ вѣковъ представилось моему разуму, и дало живѣйшее печеніе воображеніямъ моимъ. Мнѣ казалось, что я вижу иѣкопорныя древнія божества, славныхъ Героевъ, безчисленный народъ слушающей внимательно краснорѣчивыхъ своихъ ораторовъ, и громкія восклицанія относящіяся къ побѣдителямъ вѣдущему въ поржесивенной колесницѣ. — Обернувшись человекъ вышелъ въ еѣ минути изъ за ближней развалины, и нарушилъ вѣсприимчивой мой призракъ: манія его расплылась. — Я узналъ Бонованшюра.

Явленіе сего человека среди монумента

шмовъ древности, въ такомъ положеніи моихъ мыслей какъ я тогда находил-
 ся, причинило мнѣ необычайное смущеніе. Снъ сдѣлалъ мнѣ привѣщспвіе и по-
 жалъ руку мою въ знакъ дружества. — Не удовольспвуете ли шеперь желанія
 мои, сказалъ я? и какимъ нечаяннымъ
 случаемъ я васъ встрѣщилъ здѣсь — въ
 такомъ часу? — можетъ быть, опвѣ-
 чалъ онъ, по той же причинѣ, которая и
 васъ сюда привлекла. Я себѣ за первое
 удовольспвіе почишаю въ такую пріят-
 ную ночь прогуливатьсѣ среди какихъ
 либо Гопическихъ развалинъ, занимающѣ
 ся странными воображеніями, представ-
 ляя себя въ нѣхъ временахъ, кои нѣсколь-
 ко вѣковъ тому назадъ какъ пролегли.
 — Сколь велико должно быть то удо-
 польспвіе, когда нѣкоторыми средства-
 ми нами изобрѣшенными, мы открыва-
 емъ мрачности прошедшаго времени? . .
 Великій почтенный человекъ! нѣтъ я
 васъ не оснаваю пока вы не успокоите
 моего смущенія, которое меня безпоко-
 итъ съ послѣдняго нашего свиданія. Сло-
 ва споль для меня лестныя, кои вы про-
 изнесли распаваюсь со мною, возвысили

мои надежды и желаніе Надлежитъ
чтобъ сія минуна между нами, была
вѣчнымъ соединеніемъ. Могли надѣяться
доспигнуть. нѣли моего предложенія,
доспоишь ли я вашихъ наставленій? —
Молодой человекъ! прежде нежели отвѣ-
чать на твой вопросъ, скажи мнѣ ис-
тинны ли ты ищешь? и числа ли твою
ревность? — Да, отвѣчалъ я въ испуг-
леніи; точно такъ, какъ небо надъ нами
находящееся.

Прими же сей первый поцалуй на-
шего дружества, ты любимецъ форпу-
ны! вскричалъ Бонованпюръ, возвышен-
нымъ голосомъ, заключивши крѣпко въ
свои объятія — Эдуардъ! я призывалъ
твое имя прежде нежели видѣлъ тебя;
я желалъ снискашь твою дружбу
Съ сего времени мы не разлучны
Ты увидишь, ты найдешь. — Мы храня-
ли молчаніе нѣсколько минушь, въ объ-
ятіяхъ одинъ у другаго. — Полкомъ Бо-
нованпюръ далъ мнѣ лоскутокъ бумаги,
на кошорой былъ его адресъ, и просилъ
меня неотступно видѣться съ нимъ на
другой день.

Я прошёлъ всѣ пустыя улицы веду-
щія къ моему дому. — Начало разсвѣ-
шась, и я былъ у себя. Лишь вошелъ въ
комнату, во первыхъ взорамъ моимъ
представилась портретъ Ермаинъ, глаза
ея, которые прежде казалось искали ме-
ня во всѣхъ углахъ комнаты, были по-
шуплены, и пріятная ея улыбка превра-
щена въ мрачную задумчивость. — Она
плачетъ о тебѣ, — сказалъ мнѣ внуш-
ренній голосъ; она сожалеетъ о союзѣ
дружескаго, коимъ хочешь ты соединить
себя съ В. . . ! — голова моя нѣсколько
опуслась, и я размышлялъ о моемъ по-
ложеніи; но таинственная преспектива,
которая предъ мною открывалась, пока-
зывала сколько выгодъ, что всѣ мои
размышленія кончили тѣмъ, что оправ-
давъ свое намѣреніе, щипая внутрен-
ній голосъ за спрахъ малодушія. — Нѣтъ,
вскричалъ я, распростири руки къ пор-
трету. — Нѣтъ, мы не должны огорчаться!
ничто не можетъ испоргнуть тебя отъ
моего сердца, кругъ въ которой я хочу
вспунить, подастъ мнѣ средства от-
крыть мѣсто своего пребыванія, по-
дастъ мнѣ нужныя силы, тебя спасти, те-

бѣ покровительствовать, » ешьяи же-
ешокѣи угнѣпающѣи.

На другой день, я нашелъ у Бонован-
пюра одного посторонняго, которой его
сопровождаль при первомъ моемъ сви-
даніи съ нимъ. — Сей счастливой моло-
дой человекъ оправдалъ наши предчув-
ствія, » сказалъ онъ, » представляя меня
своему другу. — Которой въ воспоргѣ,
вскричалъ: о счастливая минута! столь
долго ожидаемая; заключивши меня въ
объятія свои. — Благородные люди, »
прервалъ я не много спустя, » первое
желаніе мое было снискать вашу друж-
бу, но теперь хочу заслужить вашу
довѣренность; при вашихъ глазахъ, ва-
ми управляемъ, нѣшъ для меня ни одной
не приступной скалы, » которая бы въ
пути моемъ препятствовала мнѣ, нѣшъ
ни одной пропасти, » которая бы была
для меня глубока. Чрезъ васъ я достиг-
ну цѣли къ коей стремлюсь, чрезъ васъ,
или ни чрезъ кого! — единственная ми-
лоссть, которую опъ васъ пребую, ешья
па, » чтобъ не мѣдалишь минушю моего
благополучія.

— Едуардъ, сказалъ мнѣ Бонованшюръ, не должно рысковать рѣшительнымъ шагомъ, хорошенько не обдумавши; я согласенъ что безъ необходимости чего не предпринимающъ рѣшительнаго, бывши въ подобныхъ пьвоихъ обстоятельствахъ, оживленный шаковымъ же пламенемъ, съ устремленными взорами на обожаемой предметъ для котораго сердце мое нѣкогда билось, я не чувствовалъ въ себѣ ни чего кромѣ силъ и удовольствія. . . . Да, сей предметъ всегда приводитъ насъ въ живѣйшее испуганіе; но — надо имѣть бодрость, бодрость непоколебимую, чтобъ преслупить границы природы. . . . Еслили желаніе швое еще не споль сильно тебя къ сему побуждаетъ, ты можешь раздумать. — Я возобновилъ мои прозбы, и неопступно его уговаривалъ. — Хорошо! соглашаюсь, но теперь оставь меня одного; мы увидѣмся, я тебя увѣдомию о способной къ сему минутъ.

Тщешно ожидалъ я на другой день шего друга, нетерпеливость моя принудила меня самаго ишши къ нему. —

Какъ встрѣтилъ его съ однимъ изъ его друзей на площади Навара; они шли ко мнѣ; утро было очень пріятно, но Бонованшюръ предложилъ намъ итти прогуляться за городъ. Развалившіеся оспалки древности, онабжали насъ матерією въ разговорѣ, пока мы дошли до одного уединеннаго мѣста Лавія Фламинія; гдѣ, выключая одного загороднаго дома, не было не малѣйшаго знаку человѣческаго приближенія. При подошвѣ однихъ изъ холмовъ окружающихъ со. всѣхъ сторонъ сію долину спокойствія, возвышались до вершинъ онаго, мрачныя развалины окруженныя густымъ лѣсомъ, сквозь которой видна была нѣсколько внутренняя часть, со знаками изображающими, что сіе былъ некогда храмъ. Здѣсь, сказалъ Бонованшюръ, показываю на входъ подземнаго свода, здѣсь найдешь ты исполненіе желаній твоихъ. Ожидай насъ къ себѣ сего дня въ полночь.

Наконецъ желаемая минуша наступила. Я погрузившись въ мои размышленія, сидѣлъ въ своей комнатѣ слабо освѣщенной, какъ вдругъ приходилъ

Боневанпюрѣ сопровождаемъ своимъ другомъ. Я едва примѣшилъ какъ они вошли.— Молодой человекъ, сказалъ первой, немного спуская, копорого я прижалъ съ распротертыми руками, сіе можешь ты исполнить только съ однимъ не поколебимымъ мужествомъ, чпобъ войти въ магической кругъ. Бодросъ швоя должна испытать самое трудное искушеніе. Надежись чпобъ ты принудилъ покориться себѣ одного изъ сильнѣйшихъ духовъ, и ешьамъ ти сіе исполнишь, ты будешь наипашливѣйшій человекъ, шаспливѣе нежели я. Требуи ошъ него, проси у него совѣшовъ, самымъ надмѣннымъ голосомъ; но не забудь чшо цѣль швоего разговора съ сими совѣршенными существами, ешьша, чпобъ просишь о нашихъ слабостяхъ, и исходяшасшвоваешь опѣ нихъ надежнаго вождя. — Я не могу сказать тебѣ болѣе, но ошальное узнаешь ты въ рѣшительную минушу. Пойдемъ.

Ночь была бурная, ни одна звѣзда не показывалась сквозь облака, копорыми быстро неслись надъ нашими головами.

Едва лишь мы зажгли наши факелы при входѣ въ пещеру, Бенованшюръ вошелъ первой, и провелъ за собою сквозь узкой переходъ въ одну круглую залу, среди которой мы остановились. Онъ произнесши тихо нѣсколько непонятныхъ словъ, написалъ ихъ возлѣ круглой черты, которую онъ провелъ на песку. Потомъ велѣлъ мнѣ во оную войти, сказавши на ухо не большую формулу заклинанія, онъ обнялъ меня, и вышелъ съ своимъ другомъ; крича: окажи свой героическій подвигъ, ты на оной назначенъ. Мы подождемъ тебя при выходѣ изъ пещеры.

Факель, которой Бенованшюръ вошкнулъ въ стѣнѣ, при входѣ въ узкой переходъ, издавалъ отъ себя слабый свѣтъ, который не освѣщая нѣкоторыхъ мѣста свода находящаго надъ моею головою, представлялъ ужасныя сени. Я щипалъ ихъ шаги, и когда шорохъ оныхъ нечувствительно началъ перяпаться въ отдаленности, я оспался одинъ окруженный ужаснымъ безмолвіемъ. На конецъ произнесъ слабымъ и дрожащимъ

голосомъ таинственныхъ слова. Повторя другой разъ, — Молнія сверкала изъ разныхъ мѣстъ; прескъ происходящій отъ грома, заглушалъ мой твердый голосъ. — Черные провидѣнїи мелькали въ дали. — Громъ часъ отъ часу гремѣлъ сильнѣе. — Нѣсколько минутъ спустя, смертная тишина повсюду воцѣлала; — факелъ угасалъ, и ужасныя тѣни окружили меня. Я дрожалъ и забывши предъвѣдомленіе Бонованшюра, вышелъ почти изъ магическаго круга. — Но ободрившись, не много спустя, произнесъ пррешей разъ мое заклинаніе. Кто меня призываетъ? отвѣщивовалъ глухой голосъ. Въ сіе время показался въ дали не большой свѣтъ и увеличивался при приближенїи въ темнотѣ.

Познай голосъ своего повелителя ! вскричалъ я надмѣннымъ голосомъ. — Въ какомъ видѣ повелѣваешь явиться? спросилъ меня нѣжной и чувствительной голосъ.

Вдругъ вошла мнѣ въ голову одна мысль. Нѣсколько подумавъ, — покажись, прервалъ я съ живоюшїю, покажись.

въ прелѣспномъ образѣ Ерминїи, — пламя погасло, глубокая шишина царствовала вокругъ меня: вскорѣ потомъ зала освятилась, и женщина въ бѣлой одѣждѣ являеяся и ни слова не говоря, остановилась предо мною. Епо былъ образъ Ерминїи: сходство ея съ нею поразило меня совершенно. Я распротеръ свои руки, и въ шу минушу когда она сняла съ себя покрывало, и закрасневшись; — Сенїоръ, я хочу услужить тебѣ, сказала она, нѣжнымъ голосомъ. — Открой мнѣ пребыванїе той дѣвицы, копорой носишь ты одежду, прервалъ я съ живѣйшимъ выраженїемъ моей спраспной любви. — Сенїоръ, отвѣчала она, Ерминїя не всегда потеряна для тебѣ, ты для нея . . . : Естли сего же часа не удалишя изъ Рима, тѣ которые тебѣ сюда завели, супъ твои непрїатели, равно я Ерминїи; но ихъ планъ не имѣлъ желаемаго успѣха, ихъ вина наказана Вскорѣ узнаешъ что я сказала тебѣ истинну, они не дождались тебѣ какъ обѣщали. — Слѣдуй за мною, сказалъ я. — Она взяла факелъ, и освящала узкой проходъ чрезъ которой мы шли. Вышед-

и вонь изъ подземнаго хода, я никого не видалъ при входѣ въ оной, и на все мои крики никто не отвѣчалъ.

Заклинаю тебя, убѣгай, не мѣди ни минушы, не опшшупно повтѣрала мнѣ моя провожающая; повѣрь мнѣ продолжала она тихимъ голосомъ, Ерминія несчастна опъ тебя, ты не можешь ничѣмъ ея спасти, какъ только поспѣшнымъ выѣздомъ. — Ея спасши? вскричалъ я съ живостію: ахъ! не перемъ ни минушы; и я удвоилъ шаги мои. — Прелѣспный образъ слѣдовалъ за мною, обернувшись назадъ увидѣлъ ея переходѣшу въ Пажеское плашье; я за вами слѣдую и не оставляю васъ никогда.

Мы находились въ сіе время недалеко опъ нашего дома; какъ Нажъ сказалъ мнѣ, я побѣгу сыскашь почтовыхъ лошадей, но не берите съ собою вашего слугу, ояъ измѣнилъ вамъ. — Чрезвычайно удивленъ сею новостію, я слѣдовалъ моими глазами, моего новаго друга. — Мнѣ совершенно казалось, что сіе былъ сонъ, я немедленно послалъ своего человека съ письмомъ къ банкиру, комора-

то просилъ вести въ порядкѣ мои дѣла. — Между тѣмъ какъ я собиралъ мои нужнѣйшія вещи, услышалъ что въ ближайшей комнапѣ кто то тихонько подходилъ, я хотѣлъ было взять свѣчу, какъ вдругъ вошелъ Пажъ; кареша дожидается сказалъ онъ: куда вы хотите ѣхать? — гдѣ могу найти Ерминію; опивчалъ я порохливо. И такъ во Флоренцію, прервалъ онъ съ живостію. — Онъ въ сіе время споялъ пропиву поршреша Ерминіи, и смотрѣлъ на него со вниманіемъ. — Я взглянулъ на него и попомъ на поршрешъ. — Ахъ! какое сходство! Я былъ въ заблужденіи, хотѣлъ броситься къ его ногамъ, и сказать, жестокая не мучь не мочь меня; не опбмнившись что могъ бы и ошибиться, удержалъ себя опъ столь сильнаго Симпапического влечѣнія. Я снялъ поршрешъ, и обернувши его чистымъ полотномъ, опдалъ Пажу, сказавши: береги безцѣнное сіе для меня сокровище. — Голова его нѣсколько опустилась — онъ улыбнулся, и нѣжный румянецъ явился на щекахъ его. — Поспѣшимъ! сказалъ онъ ведя меня за руку зонъ. — Онъ вскочилъ поспешно въ

карепу и съѣлъ напропивъ меня. Вскорѣ мы оставили Римъ позади себя.

Я размышлялъ о сихъ удивительныхъ приключеніяхъ, кою со мною повстрѣчались. — Ты узришь Ерминію! — Вотъ только одинъ ясной предмѣстѣ, кошорой предспавлялся мнѣ среди мрачныхъ пучъ окружающихъ меня. Пажъ, кошорый живо приводилъ мнѣ на память прелѣстный образъ обожаемой мною дѣвицы, ни мало не нарушилъ глубокой моей задумчивости; одно только нѣжное его дыханіе касающееся щекамъ моимъ, и легкіе его вздохи доказывающіе его присутствіе, нечувствительно прерывали сіе пріятное безмолвіе. — Начало разсвѣтъ, и прохладное утро не умѣдлило разсѣять ту мрачность, кошорая до тѣхъ поръ раздѣляла насъ; солнце показывалось изъ за вершинъ горъ, и все пріятности сего прелѣстнаго лица, получили новую цѣну при свѣтѣ на нихъ упадающемъ. — Глаза мои устрѣмлены были на него, и лишъ онъ сіе примѣтилъ, нѣжный румянецъ показался на лицѣ его — и онъ опустилъ свои глаза, кошорыхъ отъ прі-

дннихъ воспоминаій, и надеждъ болѣе еще деспнѣйшихъ, спановились часъ опѣ часу нѣжиѣе и пламеннѣе — — Ерминія во Флоренціа ? спросилъ я наконецъ. Давно ли она шамъ ? — вы увидише ее безъ сумненія, опвѣчалъ таинственный компаніонъ; но я взялся доспавить вамъ случай съ нею увидишьса съ условіемъ, — что объ ней буду молчашъ; она сама вамъ все откроешъ, когда способная къ сему минуша насшущишъ.

Въ сумерькахъ доѣжали мы до Тосканской границы, и мой компаніонъ отъ радости былъ внѣ себя, узнавши что мы оставили Папскую область. Онъ сказалъ мнѣ что намъ не обходимо нужно было ѣхашъ скорѣе, дабы не перяшъ времени, кошорымъ немогли располагашъ по своей волѣ; но и самая неперпѣливостъ немедлила онымъ. — Мы остановились ночевашъ въ небольшемъ пракирѣ — и какъ скоро время было ложисься спать, пажъ удалился въ комнату находящуюся возлѣ моей, опкланявшисъ мнѣ ни говоря ни слова. И я узналъ на другой день, что онъ спалъ на соломѣ, дабы не дали намъ общей по-

стели, которая одна только и была во всемъ домѣ. — по утру вспали очень рано, — лошади были запряжены, и мы сѣвши въ карету, продолжали путь свой со всевозможною поспѣшностію. Когда товарищъ мой замѣчалъ во мнѣ веселость, тогда старался обратитъ вниманіе мое на пріятности ландшафтовъ встрѣчающихся намъ на дорогѣ; и умѣлъ занять меня такимъ благоразумнымъ и пріятнымъ образомъ, что я не находилъ въ немъ ни малѣйшаго виду его къ сему намеренія: — когда же напрошивъ я казался задумчивъ, и между нами царствовало безмолвіе, онъ смотрѣлъ на меня изъ подшишка; и часто, когда я поднималъ глаза свои, его усмѣлки были на меня — на конецъ прѣехали мы въ обширную равнину, по которой протекали чистыя воды Арно: объѣзжая различныя излучины оной: увидѣли величественный куполъ кафедральной церкви, и наша карета неумедлила вѣхать въ освѣщенныя улицы, великолѣпной Флоренціи. На другой день, я нанялъ не большой загородной домъ, при подошвѣ одного холма (de fiscale). Перебравшись съ пажемъ въ

новое жилище, черты лица его казалось получили новыя прїятности, при семъ увеселительномъ мѣстоположенїи. Днемъ занимались мы распоряженїемъ, а подъ вечеръ, когда дневной зной уменьшался, я ѣздилъ въ городъ къ моимъ знакомымъ, которыхъ имѣлъ еще при первомъ путешествїи моемъ во Флоренцію.

Одного дня, прогуливаясь подъ тѣнью полевыхъ деревьевъ, находящихся по берегамъ Минїоны протекающей возлѣ нашего дома, прїятная прохлада, сладкая гармонїя птицъ, не были ничѣмъ нарушены, какъ только однимъ шумомъ маленькихъ волнъ. — Все возвышало душу мою и упоенныя чувства: — Я взглянулъ на мое положенїе — Когда все сїе кончится? будули я обманутъ на счетъ Египтянина! почему онъ мнѣ непрїятель, и какая должна быть его вина? . . . въ какихъ рукахъ я нахожусь теперь? что сїе за прелестное творенїе которое, чрезъ совершенное сходство его съ моею любовницею, имѣетъ надо мною безпредѣльную власть? отважныя предпрїятїя мои, которыя въ

шайнъ ѿ образовалъ , нечувствительнo ослабѣвали; я не спарался болѣ проникнуть шайнства природы и привесши его въ послушаніе.—Но надѣжда, ошыскашь ту кошорую люблю, подала мнѣ новыя силы; и я думалъ, что ежели онѣ сдержитъ свое обѣщаніе, по какое для меня благополучіе! — попомъ продолжалъ не много остановясь, — сей шайнственный вождь всегда ли будетъ меня преслѣдовать? на всегда ли онѣ сохранитъ сей прелестный образъ? или одно прошивное мое слово, заставитъ его удалиться отъ меня, въ прежнее мрачное его жилище.

Я остановился, усиливаясь разсѣять ту задумчивость въ кошорой я былъ погруженъ: не большой шорохъ вывелъ меня изъ сего заблужденія; я оглянулся назадъ, и увидилъ пажа. Государь мой, сказалъ онѣ мнѣ , примѣшивши во мнѣ удивленіе, кошорое причинилъ мнѣ нечаянный его приходъ, какъ оплучка ваша меня безпокоила; видѣвши что дочь приближалась, я спѣшилъ васъ найши.— Усердіе его пронуло меня до чрезвычайности; благодарю шебя моймилой, ошвѣ-

чалъ я ему, пожавши малинькую его рученку, кошорую онъ попихоньку вышаскивалъ; но я удержалъ ее у себя. Мы шли ни говоря ни слова; — и взошедши на вершину холма гдѣ споялъ нашъ домикъ, — шумъ встрѣшилъ насъ приятнымъ своимъ пѣнїемъ соловей, скрывавшейся въ небольшемъ кипарисномъ лѣску. Мы остановились слушать сей сладкой гармонїи; скорое дыханїе моего любезнаго молодого друга, дало себя почувствовать, лишь нежный нашъ пѣвецъ умолкъ. Въ сію минушу облака, скрывавшія отъ насъ луну, разошлись; небо спало ясно, и блѣдный ея свѣтъ представилъ взорамъ нашимъ приятное мѣстоположеніе двухъ небольшихъ деревень, насъ окружающихъ. Глаза малинькаго моего друга, упоенные въ удовольствїи, пробѣгали сіи очаровательныя мѣста, между тѣмъ какъ мои усремленны были на него. О Ерминїя! Ерминїя! вскричалъ я въ испуленїи. Онъ обернулся, попутилъ глаза, и нежный румянецъ явился на прелесномъ его лицѣ. — Я нестерпѣливо желаю ея видѣть; — надлежитъ непременно сіе исполнить, вѣдъ я ; ахъ! когда ее найду? в

могу ли надѣяться что она любитъ меня? — скажи мнѣ, естъли отъ тебя ничто не скрыто, — скажи одно сіе упѣшительное слово. — Едуардъ, отвѣчалъ онъ устремивши на меня глаза свои, не пріятнѣе ли для васъ будетъ услышать сіе изъ собственныхъ ея устъ? Скоро, скоро, вы узрите ея! — Но по крайней мѣрѣ скажи мнѣ, любила ли она когда нибудь? существовалъ ли между ею и г. Б. какой либо союзъ . . . ? нѣтъ, нѣтъ! отвѣчалъ онъ съ живостію. — она никогда еще не любила! вскричалъ я, она меня будетъ любить, — меня? — въ сію минушу люди мои показались у дверей, и пажъ предупредилъ меня войши въ комнату.

Слѣдующій день, во Флоренціи долженъ быть торжественный праздникъ. Убѣжденъ что Ерминія дѣйствительно живетъ въ семъ городѣ, я уже былъ въ ономъ засвѣпло; спараясь разнымъ образомъ узнать ея пребываніе, и имѣть случай увидѣться съ нею, въ день, въ которой обыкновенно въ Флоренціи, спротивя машери позволяють своимъ дочерямъ

показывались во всѣхъ ихъ нарядахъ , или въ кофторой, прелестныя лица не скрываются подъ покрываломъ ревности. Пробѣжавши всѣ улицы, и осмоливши всѣ публичныя гулянья (de la porte de gallo), щещно старался я сыскашь мою любовницу, среди множества молодыхъ дѣвушекъ, выказывающихъ свои прелести и уборы; наконецъ встрѣтилъ я одного изъ моихъ друзей, котораго уже давно считалъ возвратившимся въ Англію. — Мы недалеко находились отъ того мѣста гдѣ онъ жилъ, обрадованные что опять увидѣлись, провели остальную часть дня вмѣстѣ ; чтонѣсколько успокоило внутренныя мои безпокойства; превосходныя Сиракузскія и Кипрскія вины, занимали насъ попеременно; радостныя восклицанія оживили прохладный вечеръ; и въ сію минушу ласкныя увѣренія вѣчной дружбы, возобновились между двумя молодыми и вѣрными друзьями.

Возвращаясь очень поздно въ свой загородной домъ , воспоминаніе о моей любовницѣ, обыкновенно сопровождаемо

мучительными безпокойствами, привело въ движеніе мое сердце. Въ комнатѣ пажа горѣла свѣча, и я подошедши въ окна, кои были еще опворены, услышалъ пріятныя тоны фортопіано, акомпанируемые нежнымъ голосомъ. Комната его опъ моей, опдѣлена была двумя небольшими залами, изъ коихъ въ одной спояло фортопіано. — Я опворилъ пошхоньку дверь, дабы наслаждашься новыми дарованіями копорыя опкрывались въ семь шанспвенномъ и молодомъ моемъ другѣ. Онъ непримѣшилъ, какъ я вошелъ: прѣдспная его ручка лѣжала на клавишѣ; прислонившись къ спинѣ у креселъ, глаза его успрѣмлены были на пополокъ. Онъ поспѣшно всшалъ, лишь только услышалъ что я шхонько подходилъ къ нему. — Нѣжной румянецъ являлся на щекахъ его; чѣмъ болѣе я смотрѣлъ на него, тѣмъ болѣе казалось мнѣ видѣшь въ немъ черпы обожаемаго мною предмѣша; и сердце мое въ сію минушу билось съ необычайною скороспью. — Оно предчувспвовало; — ето былъ образъ Ерминіи; или она сама. — Я былъ въ заблужденіи, и крѣпко прижималъ его къ

моему сердцу. — Его также было, — ахъ! онъ хорошо другъ друга понимали. Онъ спарался пошхоньку вырваться изъ моихъ объятій; но я прижималъ его крѣпче; — и онъ предался сильному движению его сердца. — . . . Мы оба были въ и спупленіи, и — въ какомъ положеніи; голова его опустилась на мое плечо, помные его взоры, казались бытъ привязанными къ моимъ. Едуардъ! сказалъ онъ симъ очаровательнымъ голосомъ, какой въ перьвый разъ отъ него я слышалъ, и копорой безпреспанно опзывался въ душѣ моей Прелеспные голубые глаза его, украшенные длинными рѣсницами, казалозь нѣкогда искали меня; и я узналъ сіе пріапное лице оживленное чувствомъ удовольствія. — О Ерминія! вскричалъ я, прижимая его крѣпче къ груди моей, скажи мнѣ Ерминія ли ты? — нѣтъ! это обманчивое привидѣніе изшедшее изъ ада, говорилъ мнѣ внушрешній голосъ; — но взоры его извясняли, ахъ! ты обманываешься; это же привидѣніе а я сама . . . Минуша испупленія моего прошла; я выпустилъ его изъ объятій моихъ, и мнѣ казалось что онъ

уже самъ хотѣлъ въ оныя заключить меня. Я бросился въ кресла, закрывши обѣими руками лице мое. — Наконецъ пажъ прервалъ сіе молчаніе, съ видомъ могущимъ успокоить ужасное волненіе чувствъ моихъ. — Я хочу знать день и часъ въ которой увижу мою любовницу, вскичалъ я вспавши. — Щеки его были въ огнѣ, и глаза въ чрезвычайномъ смущеніи когда онъ смотрѣлъ на меня. Государь мой, отвѣчалъ онъ съ спокойною улыбкою, послѣ завтра день вашего рожденія, — и вы увидите ее непременно. — Я не много подумалъ: онъ правду сказалъ: я и самъ о семъ не зналъ. — Прислонившись къ стѣнѣ возлѣ фортепiano, я разсматривалъ сей прелестной образъ. Онъ наклонилъ голову, и одною рукою расправлялъ волосы лежащіе на его пріятномъ челѣ, между пѣмъ какъ другая дрожащая отъ сильнаго внутренняго движенія, пробѣгала по чернымъ клависамъ извлекая пріятные тоны гармоніи. — Грудь его примѣтнымъ образомъ поднималась подъ шелковымъ желетомъ очень сжатымъ, который бывши половину растегнутъ, представлялъ взорамъ моимъ

два небольших полушара, нежные какъ самый чистый алебарспъ. — Ахъ! почто имѣешь ты сей прелестный обоазъ? не для того ли чшобъ всегда представлять мнѣ сіи очаровательные чершпы, и вспламенять чувства мои! — удались, удались! обольспишель моего сердца! едва я выговоришь сіи слова, какъ уже былъ въ другой залъ, дошедши до дверей, я невольно обернулся назадъ: и увидѣлъ что пажъ приближившись на нѣсколько шаговъ, кошѣлъ слѣдовать за мною распротерши ко мнѣ свои руки.

Я остановился въ одномъ скрипномъ мѣспѣ сада. Разсудокъ мой отъ тысячи различныхъ воображеній совсемъ почти потѣшался, и погрузился въ перзающую его мечпашельносшь; мнѣ казалось что сіе таинспвенное существо, приняло на себя образъ моей любовницы для того только, дабы болѣе пѣвнишь меня и наложить надежныя оковы. Я разсуждалъ: почему оно спаралось внушишь въ меня надежду, что я опыщу предмѣшъ мой, и для чего оно въ сіе же самое время, удерживало пылкосшь мою? — Не взирая

на всѣ сіи размышленія, я чувствовалъ себя влеченнымъ къ нему невидимою силою Объявія мои уже готовились принять сей прелестной образъ! и я мысленно прижималъ его къ сердцу моему. — Дѣйствительно ли, сказалъ я самому себѣ, нѣсколько подумавши, что человекъ не можетъ выдти изъ черты назначенной ему самою природою, не бывши наказанъ за его дерзость, неравными воевіями съ превосходными существами? и правдали что человѣчество, которое я часто осуждалъ за его слабости. находилъ благополучіе въ одной только назначенной ему возможности. — — Однако, кѣе непреодолимое влеченіе — что значилъ?

Заявшись шаковыми пустыми воображеніями, нечувствительно дошелъ до небольшого гроша недалеко находящагося отъ нашего дома, въ кипарисномъ лѣску. Окна той комнаты, въ которой оставилъ я пажа, были еще отворены; онъ прохаживался по оной медленными шагами, и часто оспанавливаясь, усpreмлялъ на полъ свои глаза, и казался быть въ великой задумчивости. — Я при-

близился:—и услышалъ его произнесшаго тихимъ голосомъ слѣдующія слова: — ахъ! какъ онъ любитъ меня! и чего же я лишилась? - - - чего же мнѣ болѣе желать? — неперемѣнилось ли мучительное положеніе мое въ ласкныя надежды? — шаги его получили скорое движеніе, — взоры его вспламенились, онъ испустилъ глубокій вздохъ, и имя мое вырвалось изъ устъ его. Онъ взялъ свѣчу, и пошелъ въ свою комнату, которая чрезъ нѣсколько минутъ, переспала бытъ освѣщена. Восхищенъ источникъ чувствованій моихъ, бросился на правую, коея слабые стебли обремененные вечернею росой, были пригнуты прокладнымъ вѣтеркомъ, освѣжившимъ пылкія воображенія мои.

На другой день приходитъ ко мнѣ Амандъ, — шакъ назывался другъ котораго нечаянно встрѣшилъ я въ городѣ; онъ былъ сопровождаемъ двумя молодыми человѣками, которыхъ я у него видѣлъ при первомъ посѣщеніи. — Пажъ въ сію минушу вошелъ нечаянно въ комнату гдѣ мы находились, красота его привлекла на себя вниманіе всѣхъ, и я

въ смущеніи примѣшилъ, что другъ мой приспально его осматривалъ. Едуардъ! сказалъ онъ мнѣ, спуспя нѣсколько минушъ, какъ пажъ удаллся, — ты въ опасной компаніи! — Я краснѣлъ, думая что онъ спарался дашь мнѣ знать о его таинствѣ, или о его полѣ, ибо я зналъ что онъ спарался нѣкогда проникнуть причины странныхъ моихъ поступковъ. Безъ сумнѣнія, присоединилъ онъ, самому лучше можно знать предѣлъ заблужденій. — — (ѣе было уже поздно, они ушли; я оспался одинъ. Пажъ въ продолженіи сего времени, не показывался: и я чувствовалъ что онъ симъ избавилъ меня отъ ревности, ибо я не могъ рѣшишься призвать его, хотя товарищи друга моего говоря о немъ, и спарались меня симъ обязать ихъ. За день предъ симъ онъ спалъ очень остороженъ, и спарался удержать меня отъ чрезвычайныхъ изступленій чувствительности моей, въ которыхъ я всегда приходилъ, когда только сѣ прекрасное твореніе представлялось взорамъ моимъ, и оспавляло видѣшь ту природную невинность, которая не подозрѣвается, какъ одна только

улыбка, одинъ приятный взоръ, могутъ произвести для человѣка опасную бурю.

Наконецъ наступилъ тотъ день въ которой долженъ былъ увидѣшь мою любовницу. Первый его лучъ открылъ мнѣ глаза: и я возхвалялъ солнце освѣщающее своимъ восходомъ, величественные холмы покрытые кипарисными деревьями. Часы медленнѣе текли, по мѣрѣ возрастанія желаній моихъ; всегда когда только встрѣчался съ нажемъ, взоры мои спрашивали у него, когда наступитъ щасливая минута; каждой отвѣтъ его увеличивалъ неперпѣливость мою. — Въ тотъ день играли въ первой разѣ оперу Писсини; и я совсемъ было позабылъ что вчерась обѣщалъ моему другу идти въ одну съ нимъ вмѣстѣ, какъ вдругъ онъ входитъ, и зоветъ. — Какъ! думалъ я, возможно мнѣ пропустить столь драгоценную для меня минуту? тщетно искалъ я извиненій; но онъ всѣ ихъ отвергалъ. Въ сей нерѣшимости я прибѣгнулъ къ моему папу. Меня принуждаютъ идти слушать оперу, сказала я ему, могутъ сіе исполнить? — Я самъ хотѣлъ

васъ просить о себѣ, отвѣчалъ онъ. — Ты обѣщалъ мнѣ, продолжалъ я, что я сего дня увижу Ерминію : развѣ шамъ найду ее? — Тамъ ; положишься на мое слово.

Я возвратился къ моему другу; которой увидѣвши меня спѣшившаго и дпи, чрезвычайно удивился сей скорой пере-мѣнѣ. Мы приѣхали въ спектакль очень рано, такъ что ни одна ложа не была еще занята. — Нѣ сколько спустя, начали сѣзжаться. — Никто изъ прекраснѣйшихъ лицъ, не могъ обратитъ на себя вниманіе мое, и я тщетно искалъ той, которая управляла моими склонностями. — Въ сію минуту началась симфонія, всѣ голоса разговаривающихъ утихли ; занавѣса поднялась, и взорамъ нашимъ представилось тысяча лицъ къ удивленнымъ глазамъ на сцену. Предмѣты на оной находящіяся, не привлекали моего вниманія; наималѣйшей шумъ обращалъ оное на себя, и я искалъ моей любовницы между пѣвицами бывшими на театрѣ. — Надежда моя уже начала исчезать, я готовъ былъ поссориться съ самъ шамъ.

спивеннымъ другомъ которой ложны-
ми своими обѣщаніями, забавлялся спра-
спными моими желаніями, какъ вдругъ
опворилась напроливъ нашей лож-
дверь; одна дама вошла — и епо была
Ерминія! я былъ внѣ себя. — Удивленіе
мною овладѣвшее, произвело во мнѣ при-
мѣшныя движенія; Амандѣ поднявши свои
глаза, увидѣлъ причину моего смущенія.
— Плашье на ней было голубаго цвѣща,
шо самое въ копоромъ видѣлъ я ее въ
первый разъ. Небольшій вѣнокъ спле-
шеный изъ гренадскихъ цвѣшовъ, ви-
дѣнъ былъ между темнорусыми ея во-
сами нерадиво лѣжащими на ея прелѣ-
стной шеѣ. Задняя часть сего вѣнка —
была прикрыта длиннымъ покрываломъ,
комораго, часть лежала на ея рукѣ. На-
ружность ея сдѣлала впечатлѣніе, не
шокмо мущинамъ кои чувсвовали взоры
свои къ ней привязанными, но и женщи-
намъ копорыя принуждены были въ
тайнѣ опдашь предпочшишельность ея
красопѣ.

Я скрытно примѣчалъ всѣ движенія
моей любовницы; все сіе было для шого

только, чтобъ не упустить ни одного
 ея взора, за которымъ часто слѣдовалъ
 и на театрѣ. — Сердечно наслаждался
 пріятносшями гармоніи; когда сіе чувст-
 вваемое удовольствіе показывалось на
 лицѣ Ерминіи, то все что видѣлъ и
 слышалъ, относилъ къ предмету моей
 страсти. — Взоръ Ерминіи, не убѣгалъ
 меня; я часто уловлялъ его устремлен-
 нымъ на меня; и думалъ въ ономъ найши-
 шу чувствительность, которую замѣ-
 тилъ въ щастливой день моей жизни. —
 Въ половинѣ послѣдняго дѣйствія, она
 поспѣшно оставила ложу. Спуская нѣ-
 сколько минутъ, и я вышелъ дабы встрѣ-
 шиться съ нею при выходѣ изъ театра и
 узнать ея пребываніе. — Часовой, у ко-
 шораго я спрашивалъ, сказалъ, что въ
 сію минуту вышла одна дама: я сошелъ
 поспѣшно въ низъ, и увидѣлъ карету
 уѣхавшую въ улицу, которая не взирая
 на всѣ усилія мои ее догнать, скрылась
 у меня изъ глазъ. Увѣренъ что въ дру-
 гой разъ лишился нежно любимой мною
 дѣвицы, осмался неподвиженъ, пока
 шумъ разбѣгающихся каретъ, и мно-
 жество народу выходящаго изъ театра,

не прервали горестнаго чувствованія моихъ мученій. Я пошелъ домой, надѣясь найсти пребываніе любовницы моей, съ помощію пажа, оцѣ котораго ничто не скрыто.

Вхожу въ комнату; его не было въ оной. Одинъ изъ моихъ людей, увѣрялъ что онъ вскорѣ послѣ того какъ я ушелъ, слышалъ его разговаривающаго; другой утверждалъ, что онъ видѣлъ вышедшую изъ зала женщину, и приписывалъ сію причину его оплучкѣ. Онъ присоединилъ усмѣхнувшись, что уже вчера съ и претъ-яго дня, посѣщала его сія женщина. Мы искали его вездѣ, но сіе было тщетно; и я принужденъ былъ сказать имъ, чтобъ они оспались въ покоѣ; вошедши въ комнату пажа, — его тутъ не было. Я кликалъ его, но никто не отвѣчалъ; одинъ только струны фортепьяно издавали отъ себя глухой тонъ, листочикъ лежащій на ногахъ, поразилъ мой взоры. Онъ содержалъ потъ самой романсъ, коюрой я пѣлъ у оконъ любовницы моей. На противъ сего написаны были слѣдующіе куплеты:

Не обвиняй моего молчанія,
 Умѣй читать въ сердцѣ тѣхъ коемъ;
 Души наши согласны,
 И все общаетъ намъ благополучіе.
 Далеко отъ тебя, отъ жребія я страдаю
 Тщешно умирающіе взоры мои, искали тво-
 ихъ

Въ горести погруженная,
 Опрада была единою моею опорой.
 Сжалившись надъ моимъ состраданіемъ,
 Небо исполнило наши обѣты;
 Не нарушай моего спокойствія,
 Другъ, не будь болѣе несчастливъ.
 Я читалъ сіи стихи, — сердце мое билось
 отъ радости; я перечитывалъ ихъ еще разъ,
 не понимая что сіе значить. — Кто ихъ пи-
 салъ? Это была рука Ерминіи, — развѣ она
 была въ залѣ? или это рука той женщи-
 ны, съ кою ушелъ пажъ? — и гдѣ
 же онъ теперь, не ужели съ нею? Я не
 находилъ выхода, чтобы выбраться изъ
 сего лабиринта. Чѣмъ болѣе я размыш-
 лялъ о моемъ положеніи, тѣмъ болѣе
 находилъ его разспроеннымъ; и едва
 осмѣливался надѣяться, — чтобы Ерминія
 была во Флоренціи. На разсвѣтъ слѣду-
 ющаго дня, отправился въ городъ. Про-
 бѣгалъ всѣ улицы и переулки, и не пре-

минулъ вечеромъ идши въ спектакль , куда надежда еще привлекала меня ; но все было безъ успѣха. Я продолжалъ сряду нѣсколько дней родъ сей жизни, ни имѣя ни малѣйшихъ свѣденій, ни о моей любовницѣ ни о пажѣ. Чрезъ ущедрствіе послѣдняго, я потерялъ единственное средство узнать гдѣ живетъ Ерминія , и одно только препятствовало мнѣ призвать по таинственное существо, которое въ видѣ молодаго человѣка было пушеводипелемъ въ моихъ поискахъ что память моя не сохранила совершенно формулы заклинанія, и что я не зналъ нужныхъ приугошвленій къ исполненію сего дѣйствія.

Наконецъ упованіе на провидѣніе , послѣднее утѣшеніе нещаснаго, успокоило не много мое сердце; и смягчило не сколько чувства горести моей. Ходя въ собраніе нѣкоторыхъ моихъ друзей, которые всегда умѣли соединить веселость съ благоразуміемъ, разгонялъ по немногу скуку мою. Сдого дня какъ они у меня были: другъ Аманда, которой впрочемъ возвратился изъ Рима, при первомъ

моемъ съ нимъ свиданіи, снискалъ мою довѣренность своею откровенностью и сходствомъ съ нажемъ. Матерія нашего разговора была о различныхъ вещахъ, и наконецъ обратилась къ предмету моей любви: большая часть были изъ нихъ медовѣрчивы; никто утвердительно ни о чемъ не спорилъ, дабы не положить въ чашу равновѣсія какой либо тяжести, которая бы могла обнаружить ихъ сумнѣнія, и непристойныя шушки. Я рассказалъ имъ вкратцѣ, необыкновенное приключеніе мною повспрѣчавшееся; и отъ котораго я ожидалъ еще развязки. Меня слушали со вниманіемъ; и болѣе всѣхъ изъ нихъ молодой человекъ, казалось бралъ въ себѣ живѣйшее участіе, и которой оспался въ залѣ одинъ, какъ между тѣмъ всѣ разошлись.

Я могу можетъ быть, сказалъ онъ мнѣ, дать вамъ подробныя объясненія на ваше приключеніе, ежели вы меня увѣдошите о нѣкоторыхъ вашихъ обстоятельствевахъ. Весьма охотно, ошвѣчалъ я, ошведши его въ мою комнату. Мы прохаживаясь по оной дожидались, какъ люди

мои которые принесли закуску, уда-
 лялся. Молодой человекъ остано-
 вившю поршрета моей любовницы,
 и пристально смотрѣлъ на него. Могу ли
 васъ спросить, сказалъ онъ мнѣ, когда
 мы остались одни; какимъ образомъ до-
 стался вамъ сей портретъ? — Еслья
 только вы имѣете на него какіе права,
 отвѣчалъ я, то нѣтъ ничего такого
 чемъ бы я не пожертвовалъ, чтобъ
 только его имѣть у себя. — Я никакихъ
 другихъ правъ не имѣю, продолжалъ онъ,
 какъ только то, что сей портретъ
 есль первые труды мои. Однако - - вы
 знаете сей прелестной образъ? Спро-
 силъ я его шоропливо. Онъ посмошрѣлъ
 на меня, и потомъ съ спокойнымъ ви-
 домъ отвѣчалъ: что это портретъ его
 сестры.—Ерминія ваша сестра? вскри-
 чалъ я съ удивленіемъ, схвативши руку
 молодого человека. — Разве вы знаете
 сестру мою? спросилъ онъ меня съ ва-
 жнымъ видомъ. — Да, я ея знаю, и люб-
 лю. . . . Это она которую шщечно ищу.
 —Вы я думаю и сами согласитесь, что я
 чрезъ сіе ваше признаніе, имѣю права
 шребованіе отъ васъ истинныхъ подро-

бностей на обстоятельства вашихъ приключеній. Я—вижу что вы честной человекъ, продолжалъ онъ, взявши меня за руку: но сіе нѣсколько для меня сумнительно. Какъ бы то ни было, но со временемъ все откроется; и мнѣ не надѣжись медлить временемъ. — — Не обманулись ли вы, когда думали видѣть сестру мою въ оперѣ? — Я увѣрялъ его что нѣтъ;—что черты лица ея, неизгладимо впечатаны въ душѣ моей. — Сія новость чрезвычайно смущаетъ меня, прервалъ онъ не много спустя; не надлежитъ перьямъ ни минуны, и мнѣ необходимо нужно было проникнуть сію шайну.—Прощайте, вы сего дня же меня увидите или завтра въ вечеру.

Онъ сдержалъ свое слово, и пришелъ на другой день въ вечеру. Лице его было мрачно, и онъ казался въ великомъ смятеніи. Я бѣжалъ къ нему на встрѣчу. Какая новость? вскричалъ я въ изумленіи. — Не пріятная, весьма не пріятная, . . . Сей часъ отправляюсь въ Римъ; тамъ найду сестру мою, или нигдѣ. — — въ Римѣ? спросилъ я его съ удивленіемъ. — — Я не могу шеперь дать

вамъ на сіе объясненіе, отвѣчалъ онъ ,
 каждая минуша кою я теряю, можеть
 бысть спонитъ мнѣ слезы и вздоха о се-
 стрѣ моей; — но вамъ все сіе открыто
 будетъ послѣ; мы опять увидимся, и вы
 узнаете развязку сего приключенія. Одно
 что я вамъ скажу , есть то, что васъ
 обманулъ безъ примѣра. — Нѣшъ ,
 вскричалъ я обнявши его , я васъ
 не оставлю; и слѣдую за вами по всюду.
 — Оставьте свое намѣреніе, и ожидайте
 меня здѣсь. Человѣкъ, копорой сыгралъ
 съ вами сію роль, есть дерзкій лицемеръ;
 онъ безъ сумнѣнія будетъ разспавлять
 вамъ свои сѣпи , для удовлетворенія
 своего мщенія, копорыя онъ употреб-
 лялъ сперва для снисканія вашей довѣ-
 ренности и почтенія. Здѣсь по крайней
 мѣрѣ онъ не можеть гнать васъ; но въ
 Римѣ имѣеть тысячу средствъ заставитъ
 васъ почувствовать его волю, и подвер-
 гнуть жизнь вашу неизбѣжной опасности.
 — Хотя бы сія опасность и вдвое бы-
 ла больше, прервалъ я , но я ее прези-
 раю, еслили вопросъ идетъ о спокойствіи
 Ерминіи! ахъ! я прошу васъ, заклинаю ,
 не скрывайте отъ меня ничего! не ше-

ръемъ ни минушы. Я позвонилъ въ колокольчикъ и приказалъ людямъ моимъ все приготоовать къ скорому опѣзду. — Хорошо! опѣчалъ молодой человекъ, вамъ надлежитъ скрыть свое имя; ибо естли васъ узнаютъ, то сіе можетъ лишитъ меня и послѣдней надежды по-дашь помощь сестрѣ моей . . . будте увѣрены, вы узнаете все.

Я рассказалъ двумъ вѣрнымъ своимъ служителямъ что надлежало дѣлать во время нашей поѣздки. Снабдилъ ихъ нужнымъ для дороги оружіемъ, и пришелъ къ моему другу, у котораго лошади были уже готовы. — Мы опправились со всевозможною скоростью, оба сопровождаемые нашею привязанностью къ Ерминіи: мнѣ кажется невозможнымъ, чтобъ такая братская любовь въ погдашнее время была сильнѣе той, кою я пылалъ къ сей любезной дѣвицѣ. Неперпѣливость прѣхать скорѣе въ Римъ, препяшествовала намъ свободно разговаривать и я принужденъ былъ скрыть въ сердцѣ моемъ, смущеніе и неизвѣспность, мучимъ ужасными предчувствіями

Мы уже были не въ дальномъ раз-

сстоянїи отъ Рима, какъ другъ мой настаивалъ, чтобъ мы остановились до наступленїя ночи въ одной небольшой деревнѣ, дабы могли вѣхаться въ городъ, не бывши замѣчены. Между тѣмъ какъ лошади наши отдыхали, мы пошли прогуляться въ садъ, изъ котораго представлялись нашимъ взорамъ прїятныя ландшафты, находящїеся на другомъ берегу рѣки возлѣ онаго протекающей. Мы сѣли въ небольшемъ группѣ; широкой ручей раздѣлялъ насъ отъ толпы молодыхъ дѣвушекъ, и мальчиковъ упражняющихся въ невинныхъ забавахъ; иные изъ нихъ пѣли; другїе плясали, а иные рѣзвясь и догоняя одинъ другаго, получали отъ миленкихъ дѣвочекъ вмѣстѣ съ поцѣлуемъ вѣнокъ въ знакъ побѣды. При видѣ сихъ полевыхъ забавъ, прїятныхъ воспоминанїи нашей молодости живо намъ представились; воспоминанїя, кои представляли насъ въ тѣ времена, въ которыя жизнь казалась садомъ изъ розъ и въ которое несогласїе между нашими желанїями и невозможностїю, не нарушало спокойствїя души нашей. Въ сїи минушы чувствительность, изобража-

лаась въ глубокихъ нашихъ вздохахъ и взорахъ, копорые часпо успремлены были другъ на друга. Я схватилъ съ жаромъ руку молодаго челоѡка: — не мучте меня, вскричалъ я; успокойте разумокъ мой, копорой погрузившись въ мрачности, приводилъ меня въ заблужденіе, и внушаетъ ужасныя предчувствія. — Скажите мнѣ, чего вы опасаетесь! не скрываете отъ меня ничего! можетъ быть я тогда менѣ буду спрашиваться участи своей нежели какъ теперь.

Все будетъ вамъ открыто, отвѣчалъ онъ, теперь я хочу воспользоваться короткими минушами нашей праздности, чтобъ рассказать вамъ исторію мою. Васъ обманули, обольстивши ваше любопытство; но чтобъ легче снять маску съ лицабра, я вамъ упомяну нѣкоторыя его поступки.

Я любилъ дѡвицу, — ахъ! наилюбезнѣйшую дѡвицу! разумокъ ея былъ свѣжъ, обработанъ, веселость характера живо изображала ея невинность. Она была воспитана съ самаго младенчества

ея у одного изъ ея сродственниковъ до
 шестнадцати лѣтъ. Братъ отца моего
 былъ священникъ того мѣста, и я часто
 проводилъ у него по нѣскольку мѣсяцовъ.
 Тамъ дѣтская наша привязанность, не
 чувствительна приняла на себя свойст-
 ва нѣжной любви. Я былъ щасливъ, —
 весьма щасливъ, въ сей долиѣ спо-
 койствія; но сн сладкія минушы скоро
 исчезли, жестокой жребій мой излилъ на
 меня ядъ свой. Отецъ моей любвицы
 вскорѣ послѣ двухъ ея сестеръ умеръ,
 а оставшаяся мать взяла ее съ собою въ
 Римъ. Слава о ея красотѣ, не умедляла
 повсюду разнесшися, и улица въ кото-
 рой она жила всегда наполнена была
 толпою молодыхъ людей, съ усpreмлен-
 ными глазами на окна сей любезной дѣ-
 вицы. Всякой вечеръ давали у оныхъ
 серенады. — Она до тѣхъ поръ не на-
 слаждалась ни какими оплиціями, кромѣ
 какъ только видѣла предъ своимъ до-
 момъ, собравшуюся всю деревенскую мо-
 лодость, удосноивающую ея управлять
 ихъ играми, въ коихъ предпочтитель-
 ность всегда отдана была ей; натураль-
 но новыя сн оплиціи превосходнѣе преж-

нихъ, польстили ея самолюбіе, и можешъ бышь внушали ей другія чувства. — Я продолжалъ видѣться съ нею, во все время когда она жила въ городѣ; и масть ея казалось съ удовольствіемъ замѣчала нѣжную нашу склонность. Почести воздаваемые моею любовницею, не были для меня непріятны; но какъ она всегда обходилась со мною съ одинаковою чувствительностью, и казалось не желала ничего кромѣ любви моей, я не ощущалъ ни малѣйшей ревности. Я называлъ прощупокъ невинности неопытностію; и тщеславіе дѣвицы кокетствомъ. Наконецъ научился, что съ развязанностію разсудка, и посредственными познаніями, человекъ рѣдко обманывается на щетъ женщинъ. — Годъ протекъ, мнѣ казалось что любовница моя принимала меня уже съ нѣкоторою холодностію, и не отвѣчала съ такою горячностію какъ прежде, когда я пожималъ у нее руку; — къ сему довольно было одной пріятной улыбки, одного нѣжнаго поцѣлуя, чтобъ успокоить меня, когда я выговаривалъ ей съчувствительностію. — Сумнѣнія мои совсѣмъ

изчезла, когда однимъ вечеромъ увѣдомилъ ее, что я исходатайствовалъ согласіе моей матери, которая съ живостию меня обнявши позволила мнѣ самому назначить день нашего соединенія. — Сестра моя подозрѣвала склонность мою, не зная предмѣта оной; мать же моя совершенно ее не знала. — Это была благоразумная женщина преисполнена честности, которой ввѣрилъ я благополучіе жизни моей. — Ежели ты хорошо избралъ, отвѣчала она, — благословеніе мое тебѣ и я охотно прощу тебя, что ты заставилъ меня имѣть къ тебѣ такую опасную довѣренность. — Сынъ мой, сказала она мнѣ спустя нѣсколько дней, я спрошусь чтобъ ты не обманулся. Я вѣрю что любовница твоя была прежде невинна, честна, какъ ты мнѣ описываешь, но . . . теперь, нѣкоторыя ея связи, которыя весьма сумнительны. — Спайся себя преодолѣшь! не теряй времени, — слухи которыя до меня дошли, производящъ отъ источника истинны. — Смущенъ, и пораженъ сими ужасными словами, я остался неподвижнымъ въ великомъ изумленіи. — — Наконецъ свѣ-

деніе доходитъ и до меня, сопровождая предъ собою ядовитую спирѣлу жестокой горести. Я немедленно побѣжалъ къ любовницѣ моей, хотя въ такіе часы и рѣдко въ ней хаживалъ. Она сидѣла на софѣ возлѣ одного неизвѣснаго мужчины; другой споялъ на прошивѣ ихъ опершись у окна. Смущеніе всѣми ими время овладѣло: она поспѣшно вспала, и представила меня симъ незнакомцамъ. Между шѣмъ молодой человѣкъ сѣвши опять возлѣ нее, осматривалъ меня съ ногъ до головы, и сказалъ съ надмѣнностью: я не привыкъ, чинобъ кто безъ доклада входилъ въ эту комнату, гдѣ я нахожусь — и я также, вскричалъ я съ жаромъ бросивши на него презрительный взглядъ, находить здѣсь кого ни будь безъ меня, гдѣ изъ васъ никто не имѣетъ права быть. — Она поспѣшно меня прервала, и сказала: г. В... хотѣлъ удостоить мою мапушку своимъ визитомъ, и я думала что мнѣ надлежало занять ихъ до ея прихода. — Спупай въ свою комнату, сказалъ я ей съ пасмурнымъ видомъ, я займу сихъ господъ: она ушла. Молодой человѣкъ хотѣлъ ее обмановить; но знакъ шова-

рица его удержалъ отъ того. . . . и вы
 господа, сказалъ я имъ обоимъ, впредь
 когда придете, давайше знашь о себѣ
 мащери сей дѣвицы, на которую я имѣю
 нѣкоторыя права. Сіе не есть знакъ
 честнаго: человекъ, что вы шаковыми
 вашими визитами подвергаете молодую
 дѣвицу наглымъ сужденіямъ и подозрѣ-
 ніямъ. — Молодой человекъ вспалъ, съ
 пылающими отъ ярости глазами, и вы-
 шелъ изъ комнаты, другой ошкланиваясь
 мнѣ съ учтивостію, сказалъ, пожимая
 руку мою: успокойшесь, браво! молодой
 человекъ! вы въ смущеніи, и мы оста-
 вимъ васъ немедленно, дабы разрушить
 ваши подозрѣнія; мы далеко отъ того,
 чтобъ силою пріобрѣсти права. — Уга-
 дайше, кто былъ сей человекъ? Боно-
 ваншюра. . . . я остался долго въ изум-
 леніи, поднявши свои глаза, взоры мои
 упали на любовницу мою. Печальна, съ
 заплаканными глазами, спояла она у дверей
 комнаты. О Мораніо! — она не могла
 окончить сего слова, какъ летѣла въ
 объятіи мои, увидѣвши что взоры мои
 смягчились. Ахъ! могли ли вы подозрѣвать
 меня! — слезы и вздохи препяшествовали

договорить ей: она преклонила голову свою къ груди моей. — Могъ ли я тогда думать, чтообъ она мнѣ измѣнила? я оставилъ ее съ довольнымъ сердцемъ. — Мать моя покачала головой, когда я рассказалъ ей, что сомною случилось. Другой разъ будь поосторожнѣе, сказала мнѣ она, съ важнымъ видомъ. — Слѣдующей день пошелъ я къ моей любовницѣ въ обыкновенной часъ; ея не было дома, она прогуливалась съ матерью. Между тѣмъ я прохаживался по комнатамъ, во ожиданіи когда она придетъ, какъ увидѣлъ на столикѣ возлѣ чернилицы записку. Любопытствуя узнать что она содержала, развернулъ ее и читалъ слѣдующее:

„Глупицкая, будь по благоразумнѣе!
 „не упускай своего жениха. — Кто зна-
 „етъ, — будемъ ли мы имѣть въ тебѣ
 „нужду? г. В. рассказалъ мнѣ о нѣко-
 „рыхъ твоихъ скрытыхъ безпокойствахъ
 „которые ты ввѣрила ему . . . Естьли
 „те справедливо, заклинаю тебя име-
 „немъ богини Цитеры, не теряй ни ми-
 „нуты. Ты ожидаешь меня; но возьми,
 „нѣсколько шерпѣнїя! мы не созвѣмъ

, еще лишились средства смягчить его
 ,,дерзость. Подобные испугленники та-
 ,,ковой пламенной любви, становящаяся
 ,,наконецъ покорные мужья, когда уви-
 ,,дяшь невозможность вырваться изъ
 ,,общей участи. — Впрочемъ я поспашу
 ,,раюсь оцѣнить моему другу, сей но-
 ,,вой знакъ швоей любви; и будь увѣре-
 ,,рена, что онъ подаритъ тебѣ . . . ты
 ,,вчера говорила весьма откровенно.
 . . . Милая моя, ты дѣлаешь симъ честь
 воспитанію моему. Фрина едва ли можетъ
 быть швоею ученицею. — Ты достойна
 ея, чтобъ воздвигнуть тебѣ славою
 славою.

Вонованшюра.

Положивши записку въ карманъ, я при-
 шелъ) домой. Мать моя подошедши ко
 мнѣ) вскричала: — милосердый Богъ!
 сынъ мой, что съ побоемъ сдѣлалось? —
 читайше, моя родительница! читайше,
 отвѣчалъ я внѣ себя. Она прижимала
 меня въ своихъ объятіяхъ. — ,,

,,Я отсылаю къ вамъ письмо кото-

„рое вчера съ нашелъ въ вашей комнатѣ; „
 „писалъ я къ измѣнницѣ; и вы можете
 „быть увѣрены: что я не расположенъ
 „васъ вывести изъ недоумѣнїя, въ ко-
 „шорое нерѣшимость васъ вовлекла.,, —

Увы! какъ я обманулся, думая: что
 все симъ кончилось! мрачная меланхолия:
 овладѣла мною по разрывѣ сего союза:
 Наконецъ, нѣжныя попеченїя матери:
 моей, и веселый характеръ сестры, успо-
 коили нѣсколько душевныя мои мученїя..
 — Въ сїи самые по дни моего нещ. снїя „
 заключили мы союзъ истинной любви.
 нашей;—я болѣе уже не видался съ нею,
 но многіе изъ моихъ друзей, которые
 знали приключенїе мое, были столь же-
 спокы, что приносили мнѣ о ней извѣстїя:
 разправляли прежнїя мои раны. Бонован-
 шюра, заступилъ мѣсто г. В, которое
 оба вмѣстѣ занять не могли. Попомъ за-
 шивилъ его одинъ прїѣзжій. Графъ, и
 наконецъ она, вступила въ класъ распуш-
 ныхъ онъ которыхъ отличалась
 однимъ только приятностями своего
 разума. — Но вы должны теперь знать
 обстоятельство Фосшины. лучше. неже-

ли: я, сказалъ онъ; ибо она въ вашей исторіи также: играла роль свою. — Она теперь нещасна! — Спусти нѣсколько времени, продолжалъ онъ, я ославилъ Римъ, избѣгая съшей мнѣ разспавляемыхъ, которыя встречаясь мнѣ на каждомъ шагу, моемъ давали мнѣ чувствовать, что я оскорбилъ сильнаго человека. Не задолго предъ отъѣздомъ моимъ, одинъ изъ друзей моихъ далъ мнѣ истинныя подробности о Бонованшюрѣ, онъ природный Венеціанецъ, и за нѣкошорья его преступленія, выгнанъ былъ изъ сполуцы; и что гоненія чинимыя ему Банломъ, принудили его совсѣмъ оставить республику и удалиться въ Константинополь. Гдѣ сдѣлавшись Магомешаниномъ, былъ въ Мединѣ и Меккѣ; откуда наконецъ возвратившись въ Римъ съ г. В... потружился въ роскоши и развращенности. Здѣсь онъ по пропекціи его дяди играетъ важную ролю. Бонованшюра же, которой употребляя по переменнѣ обольщеніе, обманъ, и силу, доставляетъ сему развращенному человеку невинныя жертвы, которыя онъ ежедневно приносить своему сластолюбію. Бонованшюра, естъ

главное дѣйствующее лице безчестной компаніи — — Вамъ непрудно будетъ показашъ тѣ сѣшм которыя онъ разшавлялъ дабы васъ уловить; показашъ вамъ, какъ искусно умѣли вывѣдашъ ваши мысли и обстоятельспва, которыя можешъ бышъ открыли они по нечаянности; какъ онъ увѣривши васъ въ возможности исполнить чрезвычайное дѣло, могъ плѣнить вашу довѣренность, и ложными предоспорожностями, наполнишъ воображенія ваши невозможными предметами; — ибо все сѣи обманщики хорошо видѣли, что кромѣ сего другаго средства избрать было не возможно. — Я приѣхалъ во Флоренцію; и пробылъ въ оной цѣлый годъ занимаясь трудами искусства моего. Меланхолія моя начала мало по малу уменьшатся, и я въ печеніе всего сего времени, былъ въ Римѣ для того только, чтобъ услышалъ послѣдній вздохъ моей маперы.

Я остался въ сей столицѣ, весьма на короткое время, только чтобъ увидѣвши сестру мою, которую взялъ бы съ собою и во Флоренцію, ежелибы

не принужденъ былъ уступить прозванью прїимельницы моей мапери, копорая желала чшобъ она жила у нее. Около прехъ мѣсяцевъ тому назадъ, какъ я вѣдиль въ Ломбардію, откуда по возвращеніи, Амандъ рекомендовалъ меня вамъ: прїключеніе ваше внушило въ меня ужасныя прѣдчувствїя; прїшедши отъ васъ домой, я нашелъ множество писемъ адресованныхъ въ разныя мѣста, гдѣ только я былъ, а изъ оныхъ пересланные въ Флоренцію. — Представте себѣ какой былъ мой гнѣвъ, когда я узналъ чшо г. В. . . имѣлъ намѣреніи въ разсужденіи сестры моей, и чшо Бонованшюра, былъ первый начинщикъ сего безчестнаго дѣла! — вы можете также судить и о радости моей, когда я узналъ чшо сестра моя избавлена. Надлежитъ чшобъ вы сами прочитали сіи письма. — Но сіе не прежде какъ прїѣдемъ въ Римъ. Теперь наступаетъ ночь, и намъ не надлежитъ медлить ни минушы.

Сїе было къ сожалѣнію моему, чшо компаніонъ мой прервалъ шупъ повѣсть свою. Онъ вспалъ, и я въ задумчивости

содовалъ за нимъ. — Такъ, это въ Римѣ, гдѣ я наконецъ надѣялся найти мою любовницу: — послѣ сего можно судить, какъ билось у меня сердце, когда мы прѣѣхали къ торжественному въѣзду въ сей городъ. Мораніо, съ которымъ я сппустилъ одного изъ моихъ служителей, пошелъ искать одного изъ своихъ друзей; а я возвратился въ шпакширъ: подъ именемъ Аманда, я не опасался быть узнаваемъ. — Спусти нѣсколько часовъ Мораніо пришелъ. Онъ сказалъ мнѣ, что хочеть итти къ своимъ знакомымъ и получить нужныя свѣденія, и что онъ желаетъ чшобъ я до его возвращенія, остался дома. Вы можете въ продолженіи сего времени заняться чтеніемъ, присоединилъ онъ, подавши мнѣ связку писемъ; но замѣтите что та, которая писала ихъ, не подозревала чшобъ обстоятельство требовади, что шайны вѣренными ея брату, были когда сообщены другому. — И какъ я остался одинъ, по въ ту же самую минушу началъ развертывать письма; подносилъ ихъ къ устамъ моимъ, и прижималъ къ сердцу: почеркъ руки былъ шотъ самой, какой я

на листочкѣ которой нашелъ я на ношахъ фортепiano въ комнатѣ пажа. Прежде нежели оныя представлю здѣсь, вклучу два письма предыдущія симъ: онѣ послужатъ исполкованіемъ послѣднимъ, и объяснятъ нѣкоторыя мрачности моея исторіи:

Римъ, Мартъ 1799.

Уже много разъ принималась я, любезный Мораніо, писать къ тебѣ; но я просиживала предъ моею бумагою въ задумчивости и бездѣйствіи; и часто раздирала то, что начинала. Мнѣ казалось что я имѣла о столь многомъ сказать тебѣ, что всего вдругъ не могла; потому что искала выраженій, кои изобразили бы тебѣ истинную картину, что во мнѣ происходитъ, — и я къ тебѣ не писала.

Я теперь въ томъ же самомъ положеніи; смотрю на свой портретъ, который ты подарилъ мнѣ предъ отпѣздомъ своимъ, и когда пощупляю глаза, слеза упадаетъ на лежащую предо мною бумагу. Ахъ! ежелибы теперь ты былъ здѣсь, —

какъ прежде облокопившись на писмен-
 ной мой сполнкъ, ты пнкхонько подо-
 шедши, споялъ позади моего спула, и
 чиналъ вслухъ что я писала. — Слабое
 упъшеніе черпиль перомъ! я мысленно
 лепъла въ объятія твои, и ты могъ бы
 тогда судить чего мнѣ недостаетъ. —
 Нѣтъ! сего изъяснишь не въ состояніи ни
 тысяча различныхъ выраженій; одно
 слово изъ устъ твоихъ, одинъ вольный
 и дружескій взглядъ, освободитъ сердце
 мое отъ бременя его угнетающаго. Чего
 же я хочу? — Можешь ли ты сказать
 мнѣ, чего я желаю? — повѣрь любезный
 братъ, что жизнь еще пріятна для меня
 не зирая на то что она иногда кажет-
 ся мнѣ мрачною. — Часто спрашиваю
 я себя: не ужли ты всегда будешь несо-
 гласнымъ тономъ спройной гармоніи?
 развѣ ты обмануша налестнѣйшими на-
 деждами, или предметъ тайныхъ тво-
 ихъ желаній для того только показался,
 чтобъ всегда убѣгать тебя или пріят-
 ныхъ картины мечтательности, глубоко
 впечатлѣвшись въ душѣ твоей, оболь-
 стили сердце тво: минушними изспу-
 лденіями; или наконецъ надлежитъ те-

бѣ отъ всего опстуниться, и желаніямъ своимъ ни когда не исполняться? ахъ! мнѣ кажется сего не возможно, что я вѣчно буду сожалѣть о томъ, кто бы меня оставилъ.

Единственное ли сіе сожалѣніе оптери любезной моей родительницы, — или желаніе видѣться съ шобою, окружающъ меня такою пустошою? Ты знаешь, что Орпанзія добросердечна; но я часто бываю съ нею разлучена, и принуждена скрывать въ сердцѣ моемъ чувства горести, не имѣя кому ввѣрить оныя.

Я не говорю, чтобъ она всегда брала въ разсужденіи меня живѣйшее участіе: ибо удовольствоваться желаніи мои ей не возможно, не лзя же ей оныя и подозревать, да и что она можетъ заключить? подумай о семъ мой другъ ежели причина сему есть швоя оплучка, приѣзжай меня успокоить. Для чего ты не въ Римѣ, или я не съ шобою? конечно лучше бы было ежелибы ты прѣхалъ, ибо уже ша, отъ которой ты удался, давно забыта, и если по прехъ - лшней швоей оплучкѣ, ты, какъ сказываешь, испра-

взялся опѣ твоихѣ недоспашковѣ и лучш-
 чія пріобрѣлъ познанія. Я знаю себя ,
 какъ челоуѣка скромнаго! слава съ коєю
 ты сюда пріѣдешь не умедлишь прину-
 дить ревность и зависѣть, скрыться въ
 мрачныхѣ ихѣ жилищахѣ. Пріѣзжай ,
 пріѣзжай любезный братѣ.

Флоренція, мѣсяцѣ Мартѣ.

Письмо твое ни мало не нравилось мнѣ,
 любезная сестра, ибо положеніе разсудка
 твоего какъ ты его описываешь, есть ху-
 дое для меня предзнаменованіе. Я увѣренъ
 что сіе не дѣйствіе каприза но дѣйств-
 віе мечтательности. Для чего попускашь
 возрастать обширнымѣ желаніямѣ безъ
 причины, тебѣ нравится романическая
 чувствительность, лишающая тебя силы
 и бодрости, которыми природа тебя
 снабдила. — Что ты выиграешь взявши
 себѣ въ голову такую химеру? развѣ ду-
 маешь ты быть щасливѣе живши въ
 мрачности? не ужели ты надѣешься что
 изъ оной легко можешь выбраться на
 широкую , кою сама природа назна-

чила тебѣ? повѣрь опытности моей, любезная Ерминія; жизнь всегда влечетъ за собою несчастныя и горестныя впечатленія. Самые герои изнемогаютъ подъ тяжкимъ бременемъ ея; а сіе будешь совершенное пресупленіе противу законовъ природы, естли женщины, которыя должны бытъ исполнителями оныхъ, — нарушатъ ихъ; занимаясь пустою химерою, и мучивши себя безъ пользы.

Еще разъ перечитывалъ письмо швое, и не понималъ что у тебя за печальная мысль. Скажи мнѣ? жалуешься ли ты на измѣнившія тебѣ надежды; или на желаніе, коего исполненіе сдѣлалось невозможнымъ? не скрываешь ли ты отъ меня какого предчувствія или предмѣта сдѣлавшаго на душу твою сильное вліяніе? — но скажи мнѣ кому ты хочешь ввѣрить оныя, ежели отказываешь мнѣ себя упѣшить? — признайся откровенно, любезная моя Ерминія! естли ты еще призываетъ меня, и жалобы швои доходятъ до меня, я лечу къ тебѣ не медля ни минуты. — (Въ того времени какъ разлучился съ тобою, часто ощущалъ

я ту пустошу о копорой ты говоришь мнѣ. Я имѣла намѣренія быть съпобогою не разлучно, но исполнить оныя препяшствовала наша добрая шепка, копорая не могла рѣшиться оставитъ сполью любезной для нея городъ, гдѣ думала она найши своихъ прадедовъ до самыхъ времениъ Анибала.

Теперь я веду жизнь пустытника, сношенія мои съ нѣкопорою дѣвицею Бѣабаною, копорая въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ была предмѣпомъ нашихъ писемъ, совершенно прерваны. Ты справедливо объ ней думала: худое воспитаніе, притворство, и вольное обхожденіе совершенно помрачили природныя ея дарованія. Женщина копорая хочеть преступитъ границы своего поля, очень смѣшна: тогда мушины начинаютъ уже презирать ея. Ежелибы женщины всегда разсматривали должности свои, и опасности происходящія отъ худыхъ слѣдствій заблужденія ихъ, тогда бы они остерегались казаться мушинами. — — Но ты несправедливо заключила что я всегда буду любить нашу Амазонку. — Необходимость въ обществѣ

женскаго пола, привлекла меня къ Біабанѣ; развязанность и веселый ея характеръ немедленно привязали меня къ ней, пока сей союзъ не разорванъ былъ ею самой. Между нами не было вопросу о любви, и я весьма желалъ чшобъ ты слышала шушливья наши возраженія прошиву богини Циперы; я рассказывалъ ей про старую вражду хипраго купидона, но она цитала любовь за непростишельную слабость. Однако скажу тебѣ въ довѣренность, что мнѣ не трудно было опомстить ей за оскорбленіе ея прошиву сына Венеры, — я оное совершилъ тѣмъ, что положилъ конецъ симъ шушкамъ.

Сей разрывъ сдѣлалъ нѣкоторое вліяніе на мои дарованія, и я чувствую что въ моей работѣ недостаетъ той нежности, которая видна была прежде; когда въ присутствіи Фосфины, пріятная улыбка, пронцательной взоръ оживляли искусство моей кисти. — Ты одна, любезная моя Ерминія, вспоминаешь обо мнѣ; ты одна меня ожидаешь, и которая можешь пронуть чувствительность мою — Надлежитъ чшобъ ты разсѣла

мою меланхолію, и оживила оставивши
меня силы.

Римъ, мѣсяцъ Апрѣль.

Нѣтъ, любезной мой братъ, ты судишь
не разсмотрительно и не по братски о
моей задумчивости, кою замѣчаешь ты по
моему письму. Ты знаешь что я не спра-
шусь не въ какомъ случаѣ, слы-
шашъ говорящихъ про меня правду; и мнѣ
ни мало не слишкомъ нравился роман-
тическая чувствительность, которую ты
оуждаешь съ такою строгостью — и
дѣйствительно, къ чему можешь довести
насъ подобная мечтательность? мы
безъ сомнѣнія ничего не выиграемъ, мы
другія дѣвицы; погружившись въ мрачно-
сти, намъ трудно выбраться на путь,
назначенной намъ самою природою. —
Мы легко тебя повѣримъ, когда ты насъ
увѣришь, что картина жизни не вся
освѣщена дневнымъ свѣтомъ, естли
бы мы спали стараться ее болѣе
запмнить. — Я описала здѣсь собствен-
ныя свои мысли, дабы привести ихъ
тебѣ на память; и для твоей пользы
заспавить тебя краснѣть: — вошь мое

ищеніе. „Любезный братъ, могъ ли ты писашь мнѣ симъ пономѣ? и для чего. Свободное сердце, справедливое и разсудительное чувство, не все ли то, что я болѣе всего почитаю?— я теперь вспомнила тѣ пріятныя минушы, когда ты снималъ съ меня поршрѣшъ : ты смотрѣлъ на меня, и оспанавливаясь, разговаривилъ со мною дружескимъ образомъ; каждая черта проведенная твоею кистью, доказывала что ты любишь меня. Разговаривая со мною, мы наслаждались пріятностями нашихъ воспоминаній, и возвращали веселость и свободу разсудка.

Признаюсь, что я когда писала къ тебѣ, то совершенно была въ задумчивости, которой причину и теперь не могу объяснить тебѣ. Будь справедливъ любезной братъ! скажи мнѣ, не встрѣчались ли съ тобою подобныя симъ минушы, въ которыхъ бы можно было упрекнуть тебя? но со всемъ симъ меланхолія не можетъ быть безъ причины; которую ты не знаешь, или не хочешь открытъ. И сему также быть не возможно, чтобъ разсѣян-

носишь разсудка, въ которой тогда находилась я была предчувствіемъ нечаянныхъ приключеній, которымъ я почти была подвержена. Подумай получше, если ты угадаешь какой былъ предметъ письма моего.

Соображаясь съ обыкновеніями, была я съ Орпанзією у доброй Марпины, и была также зрительницею веселостей каравала. Почтенная сія женщина вскорѣ какъ мы пришли къ ней, не умедлила напомнить, что прошедшій годъ въ самое сіе время видѣла въ послѣдней разѣ мою мать. Между тѣмъ какъ я смотрѣла на зрѣлище, находящееся предъ нашими окнами, она пщательно выхваляла Орпанзію сію добрую женщину. — Намъ надлежало возвратиться домой, ибо пріятельница моя нѣсколько была нездорова, и мы вышли въ заднія двери, дабы избѣгнуть сей толпы. Отшедши не большое разстояніе, увидѣли мы изъ толпы торжественно возвращающуюся въ Козро, вышедшую одну маску, богато одѣтую и съ діадимою на головѣ; которая подошедши ко мнѣ, предлагаетъ золотое яблоко. —

Государь мой, сказала я ему отпказавши, я не хочу вывеспи васъ изъ границъ вашей роли. — Я думаю исполнить симъ долгъ мой, ежели предложу Богинѣ любви то, что принадлежитъ ей; онъ подалъ мнѣ его въ другой разъ, но я отпказала. Взявши Орпанзю за руку, мы немедленно удалились. Она сказала немного спустя что незнакомой слѣдовалъ за нами, пока мы вошли въ свою улицу. — Спустя нѣсколько дней, приходитъ ко мнѣ одна пріятельница моя и рассказываетъ что одна маска въ продолженіи карнавала играла возлѣ нее роль Мариса; это былъ В. . . . Орпанзя сказала ей что сіе же самое случилось и со мною, и присоединила усмѣхнувшись, что сей непостоянный судья можетъ быть опасенъ для насъ.

Ты можешь себѣ представить въ какое смущеніе привело меня имя В. . . . безспыдные поскупки сего чловѣка, о которомъ ты разказывалъ мнѣ, въ ту же минушу представились мнѣ. На другой день при наступленіи ночи, услышали мы у оконъ нашихъ серенаду, коей

содержаніе проиграно было на одной флейпѣ. Сіе продолжалось сряду нѣсколько ночей, и Орпанзія замѣшила, что одинъ молодой человекъ въ копоромъ думала она найти того, копорой на мѣстѣ Козро игралъ роль Париса, часто проходилъ мимо нашего дома. Но сіе скоро кончилось, потому что я не имѣла ни малѣйшаго къ сему вниманія.

Въ первые дни Марша, одного утра очень рано, была я съ Орпанзією въ церквѣ; въ продолженіи времени какъ мы въ оной стояли, услышала позади себя, что кто то часто вздыхалъ. Не надѣясь, говорилъ тихій голосъ, чтобъ небо услышало такъ скоро ваши обѣты, сколь долго вы заспавляете вздыханіе несчастнаго, не внимая его. — Орпанзія посмотрѣла на него, смущеніе и негодованіе, изобразились на ея лицѣ. Не ужели продолжалъ онъ, жестокія мученія мои не пронупѣтъ вашего сердца? или я долженъ опказаться опъ намлестнѣйшей надежды, внушить въ васъ нѣжное участіе? раздраженная сею дерзостію, Орпанзія бросила на него презритель-

ной взглядъ, и мы поспѣшно оставили церковь. Иначе поспупись намъ было не возможно, ибо я не согласилась бы чпобъ она спала ему выговаривать, чѣмъ бы дала знать постороннимъ, что слова сего челоуѣка относились къ намъ обѣимъ.

Спустя дни два или три послѣ сего приключенія, другъ г. В. . . . велѣлъ доложить о себѣ Орпанзїи, и когда онъ вошелъ, я узнала въ немъ Бонованшюра, кошорой въ исторїи швоей игралъ великою роль. Онъ сказалъ намъ, что онъ освѣдомился, что молодой челоуѣкъ вѣренннй его попеченїямъ, огорчилъ насъ своею безразсудностїю. Я предснательствую за него по его ко мнѣ довѣренности, присоединилъ онъ, подошедши ко мнѣ; онъ и самъ не умедлилъ бы припши и получишь изъ собствєнныхъ устъ вашихъ прощенїе, естѣди бы не опасался возобновить ваше неудовольствїе, за оскорбленїе кошорое онъ причинилъ вамъ. — Я прощаю сїю вину. отвѣчала я съ холоднымъ видомъ, но съ условїемъ, чпобъ онъ совсемъ позабылъ меня. — Онъ отошелъ отъ меня съ ласковымъ видомъ

и подошедши къ Орпанзѣи, сказалъ ей : вы можете быть увѣрены сударыня, что другъ мой болѣе не возобновитъ вашего негодованія; въ противномъ же случаѣ никакая великая жертва не покажется не возмочною, только чтобъ снискать вашу благосклонность. Но я надѣюсь что вы согласитесь со мною, что ни одинъ проступокъ не можетъ заслужить такого снисхожденія, какъ изступленіе чувствительности. Управлять чувствами со всею строгостью, возможно только людямъ въ совершенномъ возрастѣ; но молодой, пылкой человекъ, можетъ ли въ такомъ случаѣ быть хладнокровнымъ и осторожнымъ, когда въ немъ все возбуждаетъ удивленіе

Я не буду повторять себѣ, что онъ еще шумъ присоединилъ, но слушала его со вниманіемъ. Однимъ словомъ сказавъ, онъ перялся въ размышленіяхъ касающихся до легкомысленности молодыхъ людей онъ показалъ въ семь случаевъ столько разсѣянности своего разсудка и такъ хорошо умѣлъ лестить самолюбію Орпанзѣи, что начиналъ уже

постепенно снискивать ея почтеніе и довѣренность. Хитрый посланикъ воспользовался нѣсколькими минушами > какъ пріятельница моя оплучилась, чѣмъ говоришь мнѣ о мученіяхъ своего молодаго друга, коимъ преданъ былъ онъ въ добычу. Такой умной человѣкъ какъ вы, легко можетъ упушить несчастную спрась.

Я безъ труда разрушила ту довѣренность которую похитилъ онъ у Орпанзїи и возбудила въ ней живѣйшее къ нему отвращеніе, когда рассказала что онъ безъ нее говорилъ мнѣ и намѣреніе В. . . . лесная надежда, что она умѣла привлечь на себя вниманіе какого важнаго человѣка, перемѣнилась въ великое смущеніе. Не ужели ты думаешь сказала она мнѣ, чѣмъ та особа, которую ты мнѣ такъ описываешь покусилась на такое предпріятіе? ахъ! онъ всѣмъ будетъ рысковать; сколько онъ силенъ, сколько и золъ, и онъ готовъ дойти до крайности только чтобы достигнуть своей цѣли, — должны ли мы быть его жертвою?

Прошло нѣсколько времени, какъ мы о немъ ничего не слышали. Орпанзїя часто повторяла мнѣ, что она боялась слѣдствїй сего приключенїя, и одного дня когда она была оплучившись: я находилась одна въ комнатѣ моей, какъ вдругъ отворяется дверь, и В . . былъ у ногъ моихъ. Опомнившись отъ удивленїя, кое причинилъ мнѣ его видъ, я прервала краснорѣчивое изъясненїе его въ любви, позвонивши въ колокольчикъ и сдѣлавши знакъ женщинѣ которая немедленно вошла, оставаясь въ той комнатѣ, гдѣ мы находились. Я предложила ему съ холоднымъ видомъ кресла; и занимала его нѣсколько минутъ до возвращенїя Орпанзїи. — Она пришла, и мы вмѣстѣ сказали ему что намъ не прилично принимать его. — Онъ не переставалъ опягощать меня своими письмами и подарками, но я всегда отсылала ихъ назадъ нимало не прогая; и опасалась болѣе выходить, ибо онъ повсюду преслѣдовалъ меня. Онъ приходитъ другой разъ нарушить уединенїе мое въ ту минушу, когда Орпанзїи не было. Я приняла его какъ и въ первой разъ ;

но сіе не могло опвратить его. Нескромность часъ опѣ часу обнаруживала душу его. Ты знаешь любезный братѣ, что исключая себя и ближнихъ сродственниковъ, я не имѣла у себя знакомыхъ мушинъ, и ты можешь представить себѣ, сколько унижилъ онѣ мнѣніе мое, которое я о нихъ имѣла. Онѣ совершенно принудилъ меня имѣть опвращеніе ко всему ихъ полу, еспьли бы не имѣлъ справедливости судить о всемъ томъ, въ чемъ участвовалъ ты. Можетъ быть много еще и другихъ чѣстныхъ людей, кои были подвержены его посрамленію.

Оршанзія болѣе уже не оставляла меня одну; и мы выходили всегда вмѣстѣ. Мы уже болѣе не видали В. . . . но Бонованшюра однажды подошедши ко мнѣ на публичномъ гуляньѣ, описывалъ съ живостію опчаянность друга его и кончилъ свою рѣчь сказавши важнымъ голосомъ: я вамъ совѣтую взять также въ разсужденіе, могущество и довѣренность сего молодого человѣка. Ежели сердце ваме не участвуетъ съ вашею фортуною, и опвергаетъ выгодныя предложенія; ком онѣ вамъ дѣлаешь, то по

крайней мѣрѣ подумайте, что вы имѣете у себя брата и сродственниковъ, коихърѣмъ благосклонноелъ г. В. можетъ доставить великія выгоды. — Повѣрьте, государь мой, отвѣчала я ему съ холодноспію, что братъ мой и всѣ сродственники, возненавидяшъ меня сколько, сколько любяшъ шеперь, еспль-ли я буду такъ низка, что захочу раздѣлять ихъ богатства такимъ поспыднымъ образомъ. Увѣрьте снова вашего друга, что ему оспается одно только средство, дабы снискашъ почтеніе мое, то еспль, чтообъ онъ болѣе не беспокоилъ меня. — Сказавши сіи слова, я удалилась и соединилась съ Орпанзією, которая прогуливаясь не въ дальномъ отъ меня распояніи, разговаривала съ нѣкоторыми изъ своихъ пріятельницъ. Въ то самое время какъ я подошла къ нимъ, одна изъ нихъ рассказывала о одной извѣстной мнѣ дѣвицѣ печальное приключеніе, слѣдующее:

В. посредствомъ своего искусства, познакомился съ родителями сей молодой особы. Убѣжденные наружными знаками его достоинствъ, они споль

были малодушны и не разборчивы, что принудили ее принимать отъ него богатые подарки. Но она столь была честна что съ твердостію отвергала предложенія его. Будучи увѣрена въ низкостми души его, которую онъ совершенно ей обнаружилъ, она отсылала ему безъ вѣдома своихъ родителей подарки его съ письмомъ, въ коемъ живо выражала ему ея отвращеніе., В. . . . пользуясь слабостію ея отца, продолжалъ видѣться съ нею какъ и прежде. Тщешно сія несчастная прибѣгаетъ ко всѣмъ тѣмъ, кои должны быть покровителями ея невинности; но они столь были робки что не смѣли отказать ему. Спустя нѣсколько дней, мать и дочь находились передъ вечеромъ въ саду лежащемъ на берегу Тибра. Первая сѣла на возвышенномъ мѣстѣ, откуду взорамъ ея представлялись отдаленныя мѣстоположенія, между тѣмъ какъ другая приблизилась къ берегу, дабы наслаждаться прохладнымъ вечернимъ вѣтеркомъ. Пронзительной крикъ обращаетъ на себя взоры матери; она видитъ дочь свою окруженную нѣсколькими муштинами, которые шасили ее на-

сильно. Пораженная симъ ударомъ, она бѣжашъ къ своему дому, и съ трудомъ отдавалъ опчетъ своему мужу въ семъ ужасномъ приключеніи.

Не взирая на всѣ стараніи, не возможно было отыскать слѣдовъ похищителей. И теперь еще, присоединила наша пріятельница, родители ея не знаютъ что случилось съ ихъ дочерью имъ не опасается никакого другаго средства, какъ только сѣшовашъ на свою неразсмотрительность.

Ты можешь себѣ представить какое впечатлѣніе сія повѣсть сдѣлала въ Орпанзій: я сама была въ нѣкоторомъ смущеніи, однако воспользовалась разспроснымъ положеніемъ пріятельницы моей, чтобъ открытъ ей глаза и вооружить противу В. . . но я въ семъ не совсемъ успѣла; она старалась себя успокоить сказавши: что родители молодой дѣвицы, были сами причиною ея несчастій; и что съ благоразуміемъ, можно было избѣгнуть подобнаго приключенія.

Въ продолженіи нѣсколькихъ дней

казалось, что всѣ мои предчувствія не имѣли слѣдствій, и наше спокойствіе изрѣдко было нарушаемо неосновательными справами, какъ однажды старшая дочь Донны Марпины пришла извѣстить насъ о болѣзни ея мащери. Мы часно ходили навѣщать ее, и я многія ночи проводила возлѣ нее съ двумя ея дочерьми. Однимъ вечеромъ, какъ мы были у больной, почувствовала я родъ не большой лихорадки. Можешъ бытъ что сіе было слѣдствіе прежней, или благодѣтельное дѣйствіе попеченія Ангела моего. Донна Марпина не позволила мнѣ подвергнуться холодному вечернему воздуху, и Орпанзія принуждена была возвратиться домой, пригласивши съ собою младшую дочь Донны Марпины. — Едва лишь день началъ показываться, какъ спугъ карешы разбудилъ насъ. Нѣскольکو спустя, дѣвица Беаприксъ пробѣжала чрезъ нашу комнату въ кабинетъ своей мащери. Какъ слаба я ни была, но слѣдовала за нею съ старшею ея сестрою. Она рассказала намъ еще дрожащимъ голосомъ, что когда провожала она Орпанзію, вошедши въ улицу, — замаскирован-

ные люди преградивъ имъ дорогу, вырвали ее изъ объятій Орпанзїи; и опнесли лишившуюся чувствъ въ карету, которая немедленно поскакала; она сидѣла возлѣ человѣка, которой ни слезамъ, ни прозьбамъ ея не внималъ. Карета остановилась передъ однимъ загороднымъ домомъ; нѣсколько слугъ окружающъ ея зажженными факелами, и дрожащая Беатриксъ введена была въ комнаты своими провожаемымъ.

Одинъ молодой человѣкъ выходитъ къ ней на вспрѣчу и беретъ за руку: вошедши въ переднюю, которая была хорошо освѣщена, всматривается въ нее съ видомъ чрезвычайнаго удивленія и опустивши ея руку, отступаетъ нѣсколько шаговъ назадъ, — онъ говорилъ тихо своему посланному, которой съ меньшимъ удивленіемъ смотрѣлъ на нее. Что же касается до дѣвицы Беатриксъ, то она едва осмѣливалась поднять глаза свои. Она замѣтила что молодой человѣкъ часто на ее посматривалъ и казался бытъ въ разногласїи съ посланнымъ, которому говорилъ онъ съ жаромъ. — Тотъ подо-

шедши къ Беатриксъ, сказалъ ей: сударыня, нечаянная наша ошибка, есть единственная причина вашего смущенія. Намъреніе было опнять изъ рукъ похищителя нашу сродственницу, но не ожидаемой случай привелъ шакъ, что мои люди взяли васъ почтя за нее. — Кареша ожидаетъ приказаній вашихъ.

Представъ ты себѣ сколь велико было удивленіе мое, и учасшіе, которое брала я въ семъ приключеніи. Я прижимала крѣпко въ своихъ объятіяхъ сію любезную дѣвицу, которая не опамятовалась еще опъ страха. Беатриксъ вскричала я чрезвычайно расстроганшись, — такъ, сіе за швою ко мнѣ дружбу, за меня поспрадала ты: швое нещасіе спасло меня. — По желанію, кое я шипала въ глазахъ ихъ, узнать сіе болѣе я разказала имъ, что случилось со мною. Описаніе, которое дѣлала мнѣ Беатриксъ о шѣхъ людяхъ коихъ она видѣла, не оставило мнѣ ни малѣшаго сумнѣнія, чтообъ сіе не была инприга В... и его соумышленниковъ.

Орпансіа вошла съ боязливымъ видомъ въ то самое время какъ мы разговаривали, и бросилась съвозхищеніемъ въ

объятія Беатриксъ, которая въ сію минуту казалась мнѣ еще любезнѣе. — Мнѣ не трудно было возбудить въ нихъ ужасъ, ибо дерзскія предпріятія нашихъ злодѣевъ стольже ясно доказаны имъ, какъ и мнѣ. Донна Маршина присоединилась ко мнѣ уговаривая ея бытъ поосморожиѣе, оиѣ преслѣдованій сего докучливаго человѣка. — По совѣпамъ Маршины, мы продали скрышно нашъ домъ и выхавши совсемъ изъ Рима, разнесли по сосѣдству слухъ, что мы переселились въ Оспіа, надѣясь держа себя шамъ скрышно, въ безопасности ожидать возвращенія своего.

Ты знаешь уединенное мѣстоположеніе загороднаго дома Донны Маршины, шамъ жили мы сряду нѣсколько дней какъ плѣнницы, Орманзія, я и вѣрная Жеонетина. Безпрерывный мракъ окружалъ насъ потому что гардины на всѣхъ окнахъ были задернуты. Чтоже касается до того, что выходили ли мы изъ дому, то сіе ежели и случилось, такъ очень рано по утру. Пріятельницы живущія въ городѣ, весьма

рѣдко бывали у насъ, и то поздно по вечерамъ. Не большее число книгъ, которыя ты для меня выбралъ, и фортепiano, занимали меня на нѣсколько часовъ; но все сіе недовольно было, чтобъ преисполнить желанія моего безпокойнаго сердца.

Поспѣшай, поспѣшай мой любезной братъ; можешь бышь моя меланхолія разсѣпся при швоемъ видѣ.—Можешь бышь и совсемъ исчезнешъ. Часто, весьма часто, я напоминаю себѣ сіи печальные дни, послѣднія слова моей матери. Помнишь ли ты любезной Моранію? какъ ты держалъ одну изъ ея рукъ, между шѣмъ какъ я другую орошала моими слезами. — Прощанше мои дѣпи! сказала она умирающимъ голосомъ; я предвижу мало ясныхъ дней, но много мрачныхъ въ вашей жизни, но голосъ ея прервался; нѣжный взглядъ, съ коимъ глаза ея успремлены были на насъ, казалось хотѣлъ дать намъ утѣшеніе, которое исчезло на ея устахъ! Ахъ Моранію! сіе утѣшеніе исчезло на устахъ ея.

Флоренція 2 Іюня.

Тщетно, любезный братъ, ожидаешь ты меня въ Римѣ. — Я здѣсь! и если новой призывъ мой не въ состояніи пригласи тебя въ мои объятія, я ѣду искать тебя по всей Италіи; и ежели въ оной не найду, переѣду Апійскія горы — и до самыхъ сѣверныхъ странъ. . . . Но тщетныя мои усилія покажутъ тебѣ спокойствіе души моей, коего не имѣю, и избѣгнушь признанія моего проступка. — Оскорбленная довѣренность немедленно опущаетъ за себя. Но я надѣюсь любезный братъ, что ты будешь участвовать въ горестномъ положеніи моего сердца, и примешь благосклонно ту повѣренность, которую я никому еще не сдѣлала. Я помню, что т го Мариа видѣла въ первой разъ одного молодого человека, котораго люблю. Я не знаю какимъ очарованіемъ онъ привлекъ на себя мои взоры; но думаю, что сіе произошло отъ чрезвычайнаго сходства его съ тобою. Я думала оное найши въ прекрасной его таліи, и темныхъ глазахъ постоянного огня. — Онъ ежедневно прохаживался вблизи нашего дома

и часто проводилъ время по нѣскольку часовъ въ лавкѣ спараго Марка. Онъ не пропустилъ ни одного разу чѣмбъ не увидѣть меня у окна и когда нечаянно выходилъ, чувства его живо изображались на лицѣ его, онъ не дѣлалъ ни малѣйшихъ знаковъ подобныхъ шѣмбъ, какъ вые В. . . . употреблялъ въ своихъ извясненіяхъ. Оршанзія шакже замѣпила его нѣсколько разъ. Я парирую шебъ, сказала она мнѣ одно о дня, что сей молодой человекъ иносшранецъ? я узнала его при перьвомъ взглядѣ, ибо рѣдко ошибаюсь въ семъ пункшѣ. — Когда же случалось ему проиши мимо нашего дома вскорѣ послѣ В. . . . то она разсказывала мнѣ всегда какое было между ими сравненіе. Она хвалила безпресшанно скромной и ошкровенной еіо видѣ, и часто ставила предмѣпомъ нашихъ разговоровъ; что я съ неизвяснимымъ удовольствіемъ слушала въ шайнѣ.

Спустия нѣсколько дней услышала я у окна моего гитару, въ то самое время когда я у онаго сидѣла, наслаждаясь прохладностію вечерняго воздуха. —

Орпанзїя въ сіе время уже спала. Я поспѣшно отошла прочь, думая что сіе было новое покушеніе В. . . . чтобы обратить на себя мое вниманіе. Прїятный звукъ сего инструмента принуждалъ меня всякой разъ опходивъ опѣ окна, пока однимъ вечеромъ, при лунномъ свѣтѣ, я узнала иноспранца. Съ сихъ поръ я уже слѣдовала голосу моего сердца, копорой тогда призывалъ къ меня окну такъ часто, какъ сіи звуки позволяли себя слышать. — Не прошло нѣсколькихъ недѣль симъ невиннымъ удовольствїямъ — какъ онѣ пересталъ уже болѣе казаться. Откровенно признаюсь себѣ, что я долго по полуночи просиживала у окна; шщепно призывала я сонѣ, мнѣ казалось что я слышу звуки гитары, при каждомъ дуновенїи вѣтра въ окна мои.

Ахъ! ежелибы пы могъ чувствовать сколько я страдала, когда видѣла мои надежды измѣнившими мнѣ: сколько разъ обращала я взоры на прошедшія ночи, въ кои лишена была удовольствїя слышать тѣ прїятные звуки, которые сдѣлались для меня споль любезны.

Сѣе происходило во время преслѣдованій В. . . . что мы принуждены были скрыпсья. — Образъ молодого Англичанина не оспавлялъ меня и въ уединеніи и былъ безпрестанно предмѣпомъ мыслей моихъ. Наконецъ осмѣлилась я бросить взоръ на то, что происходило въ сердцѣ моемъ. — — Робкій голосъ шепталъ, ты любишь! и я увидѣла разверзшуюся предъ мною бездну спраспи безъ надежды. Я не имѣла такой пріятельницы, которой бы могла ввѣрить мои чувства : никто не подозрѣвалъ моего душевнаго безпокойствія, и я шщетно ожидала того, копорой плѣнивши мое сердце, навсегда меня оспавилъ. Ахъ! какъ ни опдаляю опъ своей памяти сѣи гореслные дни, но все стараюсь разсѣять шу мрачность, копорая прикрываетъ сѣи печальныя воспоминаія.

Одного утра прохаживаясь по темной аллеѣ нашего сада, разспапривзла въ задумчивости пріятности мѣстоположенія, кое представлялось взорамъ моимъ въ опдаленности, какъ вдругъ увидѣла двухъ человекъ недалеко опъ меня на-

ходящихся. Я спала такимъ образомъ, что могла на нихъ смотрѣть не бывши сама замѣчена, и къ не малому моему удивленію я узнала, что одинъ изъ нихъ былъ Бонованшюра. — Раздвигая дрожащею своею рукою вѣтви, слѣдовала изъ далека за ними. Въ то самое время какъ они остановились при входѣ пещеры высѣченной въ горѣ, Бонованшюра показалъ рукою на наше жилище съ движеніемъ изъясняющимъ его смущеніе. Мнѣ казалось, что товарищъ его спарался успокоить его; послѣ чего они вошли въ пещеру, и вскорѣ изъ оной вышли. Они пожали плечами, и пробѣжавши взорами окрестности, удалились разговариваясь жаромъ. Орпанзія раздѣляла со мною ужасъ, когда я рассказала о семъ подозрительномъ явленіи; и мы глядя другъ на друга оспались въ тайномъ смущеніи. Я приводила себѣ на память слышанныя отъ Донны Маршинны слова, что у насъ былъ погребъ, копорой длиннымъ подземнымъ ходомъ половину разрушившимся, соединялся съ остатками сей мрачной пещеры; взявши съ собою факелы, я немедленно сошла въ оной съ своею

вѣрною Жеонепиною. Намъ не повспрѣчалось никакихъ запрудненій, какія думали мы найши. Мы вошли въ одну большую залу, по сторонамъ копорой видно было много узкихъ темныхъ проходовъ, ведущихъ въ разныя спороны, и изъ коихъ самый длинный оканчивался при входѣ, въ копорый вошли шѣ два чловѣка, коихъ видѣла по упру.

Донна Марпина пришла къ намъ въ комнапу. Она спаралась успокоить насъ; но сіе было пщешно. На другой день по упру, погруженная въ задумчивости, сидѣла я у окна какъ вдругъ увидѣла новое явленіе. Два городскихъ жителя пришли опяшь; между ими былъ и прешій. Я узнала его въ шу же самую минушу; это былъ иноспранецъ. Колена мои начали подламываться и я вскричала. — Орпансіа спопрѣла на меня съ видомъ вопрошающимъ что со мною сдѣлалось, между шѣмъ какъ я опошла опъ окна въ великомъ смущеніи. Молодаго чловѣка ввели въ пещеру, и онъ казалось слушалъ со вниманіемъ, что они ему говорили. Что онъ дѣлалъ въ такой компа-

нїи? естѣли онѣ соучастникѣ ихѣ раз-
 вратносшей, или новою жертвою ихѣ
 владѣйства? сїи сомнѣнїи заразили
 ядомѣ по удовольствїе, которое ощу-
 щала я увидѣвши его; но хорошее мнѣ-
 нїе, кое я имѣла о немѣ съ начала, и воль-
 ной его видѣ, которой онѣ сохранялъ
 бывши съ сими людьми, увѣрили меня
 что онѣ былѣ предмѣшномѣ обмана ихѣ.
 Цѣлый день безпрестанно, примѣчала я
 слѣдствїй сего произшествїя; наконецѣ
 чепыре челоуѣка принесли въ пещеру
 нѣсколько узловѣ и свершковѣ бумаги.
 Я не умедлила съ Жеонешниною шуда
 войши, какѣ скоро они только вышли.
 Факелѣ горящей въ залѣ, возвѣспилѣ
 намѣ о возвращенїи сихѣ людей: мы испу-
 тались и не знали что дѣлать, на конецѣ
 рѣшились скрыться за уголѣ обвалив-
 шейся стѣны, откуда могли все ви-
 дѣть, сами не бывши подвержены опас-
 ности. Двое мушинѣ шли въ переди;
 Бонованшюра слѣдсвалѣ за ними.—Хорошо
 сказалѣ онѣ, когда они вошли всѣ. — Вы
 должны бытъ здѣсь за часѣ полуночи, и
 исполнитѣ все по, что я вамѣ предписалѣ.
 Когда иностранецѣ произнесетѣ три раза

заклинаніе, вы произведише громъ и молнію. И ты Бертольдъ! сыграй хорошенько свою роль. Ежели все будетъ исполнено, продолжалъ онъ, уходя съ своимъ товарищемъ, я не думаю чшобъ онъ вырвался изъ нашихъ рукъ. — Я не понимала какимъ образомъ разрушить ихъ предпріятія, ибо я брала въ семъ живѣйшее участіе, но и не видывала шакже подобнаго Энпузіаспа, каковъ Едуардъ.

Какъ вещь была очевидная, я рѣшилась избавить молодого челоуѣка во что бы оное ни спало. Разговоръ шѣхъ которые вышли послѣ, совершенно оправдалъ сумнѣнія мои. Я узнала что слуга иностранца былъ ими подкупленъ: и что они дѣйствительно согласились сыграть съ нимъ комедію. Робость ихъ способствовала нѣсколько моему предпріятію, и я возвратилась домой тогда, когда они окончали свои расположенія, и ушли намѣреваясь придти опять въ полночь.

Орпанзія усмѣхнулась и покачала головою, когда я рассказала ей обо всемъ. Милая моя, сказала мнѣ она взявши за руку, ты любишь сего молодого челоуѣка.

ка: хотя бы онъ былъ и не столько для тебя любезенъ, по и тогда бы сіе было доброе дѣло, чѣмъ избавишь его изъ злодѣйскихъ рукъ. Одно только смущаетъ меня, какимъ образомъ можемъ мы достигнуть нашей цѣли, не бывши подвержены опасности? Она слушала намѣреніе, которое я основывала и представляла ей исполнить оное въ способствующій къ сему день. — Да споспѣшествуйте ему Небо чѣмъ онъ успѣлъ, отвѣчала она: сей молодой человекъ кажется заслуживаетъ по участию, которое въ немъ пріемлютъ. — Но заклинаю тебя, будь осторожнѣе, ежели ты рѣшилась устоять въ своемъ намѣреніи. — Я думала также какъ и она объ опасностяхъ онаго; но я ихъ не спрашивалась. — Эдуардъ, который былъ для меня столько любезенъ, былъ замѣшанъ между безчестными людьми, которые могли бытъ покушались на жизнь его. Я ничего не могла предвидѣть, онъ одинъ ежеминутно представлялся мнѣ, и я чувствовала что всемъ могла жертвовать, только чѣмъ избавишь его. Ты, я думаю, догадываешься какой былъ мой

планъ ; чтобъ шасливо достигнуть
 моея цѣли, я прибѣгнула къ средствамъ,
 коими нѣкогда ты снабждалъ меня. Же-
 онепина служила мнѣ съ распоропностію
 и вѣрностію , не задолго до полуночи ,
 у насъ все было готово; скрывшись въ
 одномъ углу, со страхомъ дожидались мы
 приходу нашихъ злодѣевъ. — Они вошли
 въ пещеру съ робкимъ видомъ, и скры-
 лись въ одномъ узкомъ переходѣ, къ одной
 прилежащемъ. Смертная пишина цар-
 ствовала повсюду, и не была прерывае-
 ма какъ только взаимными ихъ окли-
 ками, которые страхъ понуждалъ ихъ
 дѣлать между собою.

Полночь наступила, Бонованшюръ
 показался и Едуардъ слѣдовалъ за нимъ.
 — Для чего не былъ ты свидѣтелемъ
 суевѣрій въ коихъ былъ онъ погруженъ;
 — и не видалъ какъ блистали его глаза!
 Съ какимъ героическимъ мужествомъ,
 стоявши среди магическаго круга, пов-
 шорялъ онъ твердымъ голосомъ слова,
 къ коимъ его испупленіе присоединило
 важный видъ! онъ произнесъ два раза
 формулу заклинанія, какъ мы немедля-

же начали дѣйствовать нашими машина-
ми. Наше положеніе позволяло намъ из-
давать такой голосъ, который казался
ему отъзывающимся эхомъ, и я не сумѣ-
валась въ щастливомъ окончаніи нашего
предпріятія, когда увидѣла что соумы-
шленники Бонованшюра успѣшно ушли.
Я продолжала еще нѣсколько минутъ
производить прескъ посредствомъ за-
женія насыпанныхъ кучекъ пороха, дабы
показать Бонованшюрѣ и его друзьямъ,
которые ожидали при входѣ въ пещеру,
что сіе былъ не воображительный страхъ,
которой столь много вспревожилъ ихъ.
Я узнала попомъ что ни мало не обма-
нулась, думая что великодушный чел-
вѣкъ есть только одинъ, коего бодрость
возрастаетъ по степенямъ увеличиваю-
щейся опасности, потому что первая
его мысль есть дѣлать доброе дѣло.

Молодой человекъ мужественно пов-
торилъ въ прещей разъ заклинаніе, и
отвѣчалъ съ жаромъ и надмѣнностію,
когда Жеонешина сказала ему роковымъ
голосомъ, что эхо повторило ужаснымъ
образомъ: кто меня призываетъ? ахъ мо-

гули я себѣ извяснить что производи-
ло тогда въ сердцѣ моемъ, когда при
вопросѣ въ какомъ видѣ духъ долженъ
явиться, онъ произнесъ мое имя. Я су-
мнѣвалась нѣсколько что должна дѣлать;
но вскорѣ рѣшительность сказала мнѣ:
— съ сей минуты я навсегда его
Я приготовилась предстать предъ него
въ образѣ молодого Пажа. Пославши
Жеонешину къ Ортанзїи увѣрить ее о
моей безопасности, и сказавъ какое на-
шла я средство; она вскорѣ принесла
платье, и я чрезъ нѣсколько минутъ
вошла въ залу.

Я не могла сопротивляясь ужасно-
му чувствованію, увидѣвши съ какою
откровенностію Едуардъ вдавался въ
сей обманъ. Подойдя поспѣшно къ ма-
гическому кругу, и снявши съ себя по-
крывало, нарушила его призракъ. Но что
должна я дѣлать? Безопасность его, такъ
же какъ и моя, требовала немедленнаго
выѣзда. Въ Римѣ оспаться ему было не
возможно, непрїатели его не умедлили
бы съ нова разсѣавить ему сѣти.
Впрочемъ могла ли я надѣяться, чтобы

Боновантюра не сталъ стараться развѣдывать о причинахъ нарушившихъ злодѣйское его предпріятіе, которое хотѣлъ онъ совершить въ пещерѣ.

Мнѣ казалось, что ничто такъ не способствовало къ извлеченію Едуарда изъ суевѣрія, въ коемъ онъ былъ погруженъ, какъ только прибъхавши во Флоренцію, вывести его изъ сего заблужденія! Тамъ, сказала я себѣ, намъ не трудно будетъ освободить сію благородную душу изъ подъ ига мечтательности, посредствомъ которой хотѣлъ завлечь его въ бездну несчастій.

Любезный братъ, ежели ты меня любишь, и любишь, то приѣзжай со мною соединишься не теряя ни минуты. — Небольшій поршретъ его, подаренный ему матерью на осмнадцатомъ году отъ его рожденія, уведомилъ меня что онъ послѣ завтра вступитъ въ двадцать второй его годъ. — Постарайся же быть здѣсь завтра, чтобъ не пропустишь сей день безъ успѣха.

Я рассказала тебѣ всѣ мои подробности; сдѣлай же теперь ты свой планъ чѣмъ избавишь сего любезнаго плѣнника. Мы легко можемъ съ тобою о семъ переговорить. — Надлежитъ чѣмъ вы были друзья. Прѣзжай увидѣть сего молодого человека, которой споль страшно меня любитъ! Будь свидѣтелемъ того чувствованія, которое я въ него внушила! Я была первымъ предметомъ съ тѣхъ поръ какъ онъ меня увидѣлъ, и самое большее желаніе его было узнать мѣсто моего пребыванія? я нашла въ его комнатахъ мой портретъ, писанный своею рукою. Онъ былъ ему споль любезенъ, и сполько привязанъ къ сей драгоценной для него картинѣ! Я не знаю какъ могла я собою тогда управлять, и не понимаю какъ безпрестанное смущеніе и частыя ошибки моей роли, не были ему подозрительны. . . . Вчерась въ вечеру, когда щещно искала я тебя въ прежнемъ твоёмъ пребываніи, я встрѣтилась съ нимъ на дорогѣ въ городъ (à la Uilla); ахъ! какъ любовь его казалась мнѣ нѣжна и пламенна? Но, оставь меня хра-

нись молчаніе; — оставь меня наслаждайся симъ сладкимъ упоеніемъ сердца.,,

При чтеніи сихъ писемъ, восхитительное чувство, когда узналъ что Ерминія меня любитъ, разогнало душевныя безпокойства мои: и досада бытъ обманушу такимъ бесчестнымъ образомъ, не дала себя почувствовать въ первыя минуты. Но забота, которую причинило мнѣ положеніе Ерминіи, заступила мѣсто сего сладостнаго упоенія. Предавшись жестокимъ безпокойствамъ, пробѣгалъ мрачными своими взорами окрестныя деревни, надъ коими ночь опускала темной свой покровъ, какъ вдругъ приходилъ Моранію. Надежда и радость блистали въ его глазахъ; я бросился въ его объятія, и онъ крѣпко прижималъ меня къ своей груди. Ахъ! надлежитъ чтобъ мы были друзья! вскричалъ я съ живностію; Моранію, будь моимъ другомъ! — Выборъ мой предупредилъ желанія Ерминіи, опивчалъ онъ съ горячностью; слово, которое вы произнесли, уже соединило насъ на вѣки! — такъ, будемъ

друзья. Вотъ моя рука! да соединитъ
 Небо ваши согласныя сердца! — Я увѣ-
 ренъ что послѣ такой опытности, вы
 не будете жертвою предразсужденія;
 будемъ хранишь молчаніе. — Я принесъ
 радостныя извѣстія, вы увидите что я
 хорошо изчислилъ возможности, или по
 крайней мѣрѣ не былъ введенъ въ заблу-
 жденіе предчувствіями, призвавшими
 меня въ Римъ.

На другой день по утру Мараніо былъ
 у Орпанзіи, и нашелъ ее въ великомъ
 смущеніи, когда она его увидѣла. Съ тѣхъ
 поръ какъ Жеонепина принесла ей пос-
 лѣднія извѣстія о Ерминіи, она ничего
 о ней не слыхала. Надежда, что она сое-
 динится съ своимъ братомъ во Флорен-
 ціи, была однимъ средствомъ могущимъ
 ее успокоить: она выбѣжала къ Мараніо
 на встрѣчу, и первое желаніе ея было
 освѣдомиться о ея пріятельницѣ.

Сей молодой человекъ видѣвши что
 она не могла получить о ней никакихъ
 свѣденій, открылъ ей съ оспорожно-
 стію свои смущенія, и вскорѣ оставилъ

ее, ушедши къ другимъ своимъ знакомымъ, онъ копорыхъ онъ надѣялся что нибудь узнать. — Благополучная дорога! — Онъ встрѣшилъ одного изъ своихъ друзей, онъ копораго узналъ, что мать Фоспины съ недѣлю тому назадъ какъ умерла, должники расхищили все ея имѣнiе и что сама Фоспина содержится въ шемницѣ. Она, присоединилъ онъ, привыкши къ роскошной жизни, продолжала дѣлать великiя издержки, не смотря на то что была оспаваена своими богатыми друзьями: она занимала, и безпорядокъ ихъ дѣла, копорой ежедневно увеличиваясь при смерти ея матери, довелъ ихъ до крайности. — Сожалѣнiе, которое сiя несчастная внушила Моранiю, и горестныя воспоминанiя прошедшаго, пронули его сердце. Побуждаемъ великодушнымъ намѣренiемъ доставить ей участь менѣе несчастную, и возвратить ее къ добродѣтели, рѣшился ей покровительствовать. Онъ возвратился домой, и спустя нѣсколько времени нанялъ комнату у одной честной женщины въ отдаленной части города. Заплативши долги Фоспины, прѣзжаетъ къ

ней въ темницу съ объявленіемъ ея свободы. Смотришель оной пошелъ искашь арестованной, а Мораніо воспользовавшись сею минушою, сказалъ своему кучеру куда надлежало ея везти: и между тѣмъ какъ онъ искалъ мѣста откуда бы онъ не могъ бытъ видимъ, чинобъ посмотреть какое произведетъ въ Фоспинѣ чувство возвращеніе ея свободы, она незанно вышла изъ одного угла сопровождаемая стражемъ темницы. Волосы ея были въ безпорядкѣ, голова наклонившись. Боже мой! вскричала она, когда заплаканные ея глаза увидѣли молодого челоуѣка, и она прислонилась къ стѣнѣ. Мораніо сдѣлалъ знакъ спрражу опнести ея въ карету, и самъ немедленно удался, дабы разсмотрѣть чувствительность сей несчастной дѣвицы. —

Онъ возвратился къ Доннѣ Маршинѣ, и сдѣлалъ визиты многимъ своимъ знакомымъ, не увѣдомляя ихъ что дядя г. В. началъ ослабѣвать, и что многочисленные его непріятели начали разспрашивать ему свои сѣщи, показываясь съ большею смѣлостію. Мораніо былъ занятъ

насправленіями, копорыя давалъ своимъ
людямъ, для розысковъ гдѣ находишся
Ерминія, какъ вдругъ приносятъ къ не-
му письмо отъ Фоспины. Она пишетъ:

„Вы мой избавитель! я уже догады-
валась, какъ сего утра строгій вашъ
взоръ упалъ на меня; и тайный голосъ
говорилъ, что предчувствіе мое спра-
ведливо. Хопя Донна Шіара и проши-
вилась, когда я просила ее со слезами
открыть его имя Увы! гдѣ мнѣ
скрыться? куда бѣжать отъ вашихъ
взоровъ и негодованія? вы и половины
не знаете еще моего преступленія. —
Познайте послѣдней поступокъ моего
злодѣйства, попомъ — — поносите ме-
ня. Я ввергнула вашу сестру въ вар-
варскія руки, копорыя погрузили меня
въ бездну пороковъ. Поспѣшите ее из-
бавить! Чтобъ слѣдствія сего гнусна-
го дѣйствія еще болѣе не угнетали
моего сердца, Донна-Шіара васъ увѣде-
митъ обо всемъ.“

Мораніо немедленно возвратился къ

Доніъ-Шіаръ. Онъ вошелъ въ ея комна-
ту — и нацелъ въ оной одну шолько
Фосцину. Съ распроганнымъ видомъ,
съ покрасневшимся отъ слезъ глазами,
она бросилась предъ нимъ на колени. —
Онъ спарался поднять ея; но она схватила
его руку, орошала ее слезами, и вскри-
чала наконецъ задыхающимся голосомъ:
Великодушной, о великодушной мущи-
на! — — Встаньте! сказалъ онъ нѣжнымъ
голосомъ съ живѣйшимъ движеніемъ. —
Ахъ! не поступайте со мною такъ милос-
шиво, продолжала она; оставьте меня
обнять ваши колена; — не откажите оро-
сить оныя слезами раскаянїя! О
справедливое Небо! вошъ жесточайшее
изъ мученій, угрызеніе совѣсти! — —
Нѣшѣ, Фосцина; я все позабываю, и
мнѣ ничего болѣе не остаешся какъ шолько
пещися о швоей участи. Встань! гово-
ри! что имѣешь мнѣ открышь? — Она
хранила нѣсколько минушъ молчаніе, по-
шомъ, пошупивши глаза, начала гово-
ришь: — „Нечаянность привела меня уви-
дѣшь иностранца — и онъ понравился
мнѣ. Я употребила всѣ средства прив-
лечь его къ себѣ, но онъ не пришелъ на

назначенное ему свиданіе; родъ впечатленій, которое онъ во мнѣ сдѣлалъ, было совсѣмъ почти изглажено, когда я рассказала о семъ Бонованшюрѣ. Онъ не прерывалъ того сношенія которое имѣлъ тогда со мною, пока не вовлекъ меня въ сіе преступленіе. Онъ принудилъ меня употребить въ семъ случаѣ все вреденна прельщенія, дабы привязать къ себѣ сего молодого человѣка, на котораго уже давно онъ имѣлъ нѣкоторыя виды, дабы сдѣлать его жертвою своихъ злодѣйствъ. Я повиновалась ему. . . . Конечно признаніе сіе васъ болѣе не обезпокоитъ, сказалъ Мораніо, увидѣвши что Фоспина заиналась, ибо я уже знаю его. — Она краснѣла, и продолжала не много еспановаясь. Одногo дня Бонованшюра приходилъ увѣдомить меня что все было приуготовлено, чтобъ обременить иностранца неразрывными оковами. Сіе надлежало быть исполнено на другой же день. Онъ сказалъ мнѣ, что слуга сего иностранца проведетъ меня въ его спальню, и что я могла быть увѣрена, что сей молодой человѣкъ будетъ въ такомъ изступленіи, что посредствомъ

сей печальности, всё намѣренія наши
могутъ быть исполнены. Я сполько уни-
зилась, чтобъ радостію приняли сіе пред-
ложеніе. Я пришла, его не было дома,
какъ вдругъ сильный шумъ возвѣстивъ
возвращеніе Англичанина. Вскорѣ услыша-
ла я женскій голосъ; приближившись къ
дверямъ, копорыя половину были оппер-
шы, я узнала въ пажескомъ одѣянтіи ва-
шу сеспру. — Во Флоренцію сказала она,
и Едуардъ поспѣшно вышелъ съ нею!
спукъ опправляющейся каресы пора-
зилъ мой слухъ. — Слѣдующій день
Бонованшюра разсказалъ мнѣ неслышанное
окончаніе начатой имъ комедіи; опъ ко-
порой онъ споль много надѣялся. Все
что я разсказала ему, удивило его до чрез-
вычайности. Опкрывши снова пребыва-
ніе вашей сеспры, онъ узналъ всю тай-
ну, и началъ опять разполагать свои пла-
ны. Ахъ! чѣмъ бы я не пожертвовала,
чтобъ сіи ужасныя его предпріятія не
имѣли успѣха! Я болѣе ничего не знаю,
ибо спустя нѣсколько дней мать моя
скончалась, и какъ при несчастіяхъ, кои на-
чали опягчать меня по смерти ея, при-
бѣгнула къ В. . . . и Бонованшюра, но я

была выведена отъ нихъ съ нагими на-
 смѣшками. — Вы знаете теперь всѣ
 ужасы поведенія той презрѣнной, ко-
 торая опущена вашимъ великодушнымъ
 благодѣянїемъ! Ахъ: успокойте мои сму-
 щенїя! Не знаете ли вы оней чего — со-
 вершенно ничего! — не нашли ли вы ва-
 шу сестру во Флоренціи? — — злодѣй-
 скїя намѣренїи успѣли, отвѣчалъ Мора-
 нїо. Скажите мнѣ хотя малѣйшіе знаки
 гдѣ она, чпобъ я могъ извлечь сію не-
 щасную изъ злодѣйскихъ рукъ. — Фо-
 стина отвѣчала, что она думаетъ что
 Ерминїя заключена въ замкъ В. . . . въ
 окресностяхъ Терни; которой недавно-
 шому назадъ, также содержалъ въ семь
 замкъ одну молодую дѣвицу, похити-
 вши оною при глазахъ ея матери, и ко-
 торую вскорѣ принужденъ былъ освобо-
 дить, потому что сія плѣнница нашла
 случай уведомить ея средствениковъ о
 мѣспѣ ея заключенїя., — Моранїо оспа-
 вилъ Фостину, сказавши важнымъ но
 смѣшаннымъ съ прїятностію голосомъ:
 я надѣюсь что жестокїе опыты, кото-
 рымъ нещасная ваша учаспъ была под-
 вергнута, болѣе не возобновяпся, и не

сумнѣваюсь также чтобъ вы со временемъ не заслужили почтенія честныхъ людей. Тогда покрывало мрачности прикроетъ прошедшее ваше поведѣнїе: вы не коснетесь уже болѣе тѣхъ опасностей, отъ которыхъ вы спрaдaли прежде, и узнаете, ведя честную жизнь, что долговременное спокойствіе можетъ существовать въ одномъ только непорочномъ сердцѣ. — Колеблема сильнѣмъ душевнымъ безпокойствомъ Фоспина схватила руку молодого чело-вѣка, и приложила оную къ своимъ устамъ. Мораніо выдернулъ ее попи-хоньку; она сказала ему возвышеннымъ голосомъ и съ глазами преисполненными слезъ: такъ, я хочу быть достойною вашего почтенія, достойною того, что ваше великодушїе сего дня для меня сдѣла-ло. Будьте свидѣтелемъ моей клятвы, и я пребуду навсегда вѣрна добродѣтели. Хотя и не могу предъ ея олпа-ремъ свидѣтельствовать сердце мое непорочнымъ; но я надѣюсь, что она не опвергнетъ раскаявающейся преступ-ницы, и напрошивъ того поддержишь ее швердое предпрїятїе. — Слезы ра-

каянїя непрестануть лишья изъ глазъ моихъ, и я не назову себя щаспливою, пока успокоившаяся совѣсть моя не скажетъ мнѣ, что я оправдала участіе вашей великой души въ моемъ жребїи.

Фостина сдержала свою клятву. Потруженна въ размышленїяхъ о опытахъ своихъ нещастїй, извлеченная изъ бездны презрѣнїя великодушїемъ Моранїю, она взяла твердое намѣренїе слѣдовать по пути добродѣтели. Съ помощїю спргой неусыпности и спаранїи Донны Шїары, она достигнула до своей цѣли. Моранїю продолжалъ въ тайнѣ поддерживать ее, когда шруды ея не въ состоянїи были снабжать ее нужнымъ къ пропитанїю. Наконецъ приѣзжаетъ родственникъ Донны Шїары, — они другъ другу нравятся — постоянная и священная любовь не умедлила ихъ соединить.

Едуардъ! поспѣшимъ избавить, вскричалъ Моранїю, кончивши сіе: все предназначаетъ щаспливой конецъ. — Но чтобъ лучше исполнить наши предпрїяшїя, мы скрыли наши имена подъ одеждою пелеримовъ, съ шѣмъ чтобъ карета слѣдова-

ла за нами издали. Все было готово, и мы собравшись съ обычаями благочестивыхъ педериновъ, вышедши изъ города, пустились въ дорогу. — Лучи восходящаго солнца освѣщая величественныя башни гордаго Рима, представляли взорамъ нашимъ наивеликолепнѣйшую картину сего города, которой нѣкогда процвѣталъ, и которой можешь быть мы оставили навсегда.

Разговоръ, которой мы вели о предметѣ, возвышавшемъ нашу душу, — освобожденіе Ерминіи, — и расположеніе нашей будущности, которую мы предлагали другъ другу провести вмѣстѣ, укоротили нашу дорогу, и соединили сердца наши крѣпче союзомъ вѣчнаго дружества. — Разказавши моему другу, какъ онъ различныхъ обстоятельствъ моего разсудка, введенъ былъ въ совершенное заблужденіе, — и какимъ образомъ я былъ также подвергнутъ обманамъ; — онъ сказалъ мнѣ усмѣхнувшись: я вижу что сей порокъ глубоко въ тебѣ впечатленъ; но я сіе оставляю на попеченіе моей сестры . . . она, продолжалъ онъ,

возвратишь себя къ н овой жизни, и рука ея выведетъ тебя на путь истинныи и природы, онъ копораго ты ондалася.

При захожденіи солнца, увидѣли мы замокъ, поселяна ближней деревни, называли шѣмъ самымъ, коего мы искали. — Взошедши въ паркъ, окружающей его со всѣхъ сторонъ, сели на правѣ. — Молодая женщина приблизилась къ намъ съ внимательнымъ видомъ, и предложила плоды, принесенные въ прекрасной корзинѣ повѣшенной на ея рукѣ. — Благочестивые пелерины, сказала она смиреннымъ голосомъ, вы мнѣ кажешесь устали? Я очень сожалѣю что не могу предложить вамъ убѣжище въ нашемъ шѣсномъ жилищѣ; но если вы прикажете, я схожу въ замокъ, и скажу смопришелю онаго . . . онъ, присоединила она, по истиннѣ сказать не очень ласковъ, и не много жестокъ; но при видѣ пелериновъ онъ шупливъ и унижененъ какъ и жена его, которая болѣе надмѣнна и пришворна, нежели онъ. — Она провела насъ въ огородъ, къ копорому касалось нѣсколько большихъ аллей

шарка, и гдѣ находился домикъ садовни-
 цы лежащій къ западу. Я немедленно
 возвращусь, сказала она опведши насъ
 въ изрядно прибранную комнату и
 поставивши предъ нами свою корзину съ
 плодами.—Бжели придетъ мой мужъ, по
 скажите ему, чтобъ онъ посмотрѣлъ за
 дивяпкою, которое спитъ въ сей горницѣ,
 показывая на свою спальню. — Но почно-
 ли ты увѣрена, сказалъ Мораніо, что
 насъ примутъ въ семъ замкѣ? сіе уже
 не въ первой разъ, что мы во время
 нашего путешествія предпочитали со-
 лому мягкой постелѣ данной не опъчис-
 шаго сердца. Надлежитъ чтобъ ты
 сперва увѣдомила насъ, не живётъ ли
 семъ въ замкѣ какая дѣвица? ибо поварихъ
 мой сдѣлалъ обѣщаніе ни съ какою изъ
 нихъ не говоришь, ни даже ложиться
 спать подъ одною кровлею. Когда мы
 окончили нашъ разговоръ, женщина за-
 шиворила дверь, которая была половину
 опперта и смотрѣла на насъ нѣсколько
 минутъ съ невинною улыбкою. Она при-
 мѣчала что сей обѣщаніе былъ что по
 необычаенъ, и рассказала потомъ что
 дѣйствительно въ семъ замкѣ живелъ

уже дней съ десятиъ одна молодая и прекрасная дѣвица. — Я ни къ чему не жочу принуждать васъ, продолжала она, но послушайте только что случилось со мною и моимъ мужемъ. Вышедши за него за мужъ, въ тотъ же самый день, занемогла я такъ, что уже начали опчаяваться въ моемъ выздоровленіи. Мы обѣщали другъ другу жить послѣ нашего обвенчанія такъ какъ братъ съ сестрою, чрезъ два мѣсяца я совершенно выздоровела, и мы стали уже дѣйствительные мужъ и жена. . . . нушъ она улыбнулась, и продолжала: одинъ почтенной мелеринъ, которому однажды подали мы милостину, сказалъ что мы не должны въ семъ совѣспитъ, потому что Богъ не требуетъ невозможнаго.

Откровенность молодой женщины, позволила намъ выступить нѣсколько изъ границъ нашей роли. Ты говоришь прервалъ онъ, что сія дѣвица весьма прекрасна естли она также и добра, но я иду съ тобою въ замокъ просить у нее милостины. — Она добра, отвѣчала она, такъ что нѣльзя возпрепятствовать

вашъ себѣ чѣтобъ ея не любить, съ того времени какъ она содержима здѣсь. Нѣсколько дней тому назадъ какъ она была у меня вмѣстѣ съ женою смолришеля ; ибо ей не позволено выходить одной, спаруха строго за нею присматриваетъ, такъ что ей невозможно почли и говорить съ незнакомцемъ. Но что васъ побуждаетъ такъ строго содержать ея ? спросилъ Моранію. Сему должно быть нѣчто особенное, мой достопочтенной отецъ ! Не давно тому назадъ, также внезапно показалась въ семь замкѣ одна молодая дѣвица, какъ и сія. Нашъ господинъ часто въ немъ бывалъ, и я замѣтила какъ онъ съ досады ломалъ себѣ руки слѣдуя за нею въ саду, когда она прогуливалась. — Я объ ней сожалѣла, и спрашивала много разъ причину ея безпокойствъ. Она отдавши мнѣ письмо, просила опнести его въ городъ на почту, и я немедленно исполнила ея просьбу, дабы сдѣлать ей сіе удовольствіе. Спусти нѣсколько дней она вдругъ исчезла, и на мѣсто ея показалась другая. Я думала что она должна быть сродственница нашего господи-

на, однакожь - - - я тогда была въ замкѣ какъ она прѣѣхала, продолжала она не много оспановясь; нашъ молодой господинъ выбѣжалъ къ ней на встрѣчу и жопѣлъ ее обнять; но она опшолкнула его съ огорченнымъ видомъ, такъ что онъ казался бытъ очень недовольнымъ. — Я неслыхала что она ему сказала; но всякой разъ щипала своего мужа справедливымъ, когда онъ догадывался что нашъ господинъ ее увезъ — Здѣсь ли онъ? спросилъ я съ живостію. — Нѣтъ, опвѣчала она. Вскорѣ по прѣѣздѣ сей дѣвицы, онъ опправился въ Римъ, съ двумя молодыми господами, которые прѣѣхали съ нею въ каретѣ. Сказываютъ что его ожидаютъ со дня на день.

Молодая женщина вышла чпобы взять своего робенка, кошорой плакалъ лежа въ своей колыбели. — Я бросился къ Мораніо на шею. О мой братъ! вскричалъ я, чувствуешь ли ты бѣеніе сердца моего, — видишь ли ты мое восхищеніе? — Тише! пише; опвѣчалъ онъ мнѣ; ты измѣнишь себѣ, я сдѣлаешь наши средства безуспѣшными, естля

ты пойдешь въ замокъ. Я замолчалъ , онъ ушелъ съ женщиною, которая просила меня имѣть попеченіе о ея сынѣ, положивши его къ ногамъ моимъ. — Будь спокоенъ возлѣ сего достопочтеннаго мужа, сказала она съ невинною улыбкою лаская его; онъ будетъ молить за тебя благодѣтельную С. Мадону, чшобъ ты былъ щасливъ.

Я ожидалъ съ неперпѣливостію моего друга. — Мнѣ казалось что я вижу въ глазахъ Ерминіи неописанную радость , — мнѣ предшавлялось , сколь велико должно бытъ ея удивленіе , когда она увидитъ себя въ объятіяхъ столь любезнаго для нее брата ; восхищенный симъ удовольствіемъ, я прижималъ мальчика къ своему сердцу, копорой между шѣмъ игралъ моими волосами. Наконецъ Мораніо приходилъ съ садовницею. — Взявши меня за руку, онъвелъ въ спорону. — Скажи, скажи , вскричалъ я съ живностію, выходя въ паркъ! видѣлъ ли ты ее? нашелъ ли? — ободрись Едуардъ, все намъ благопріятствующъ. — мужа легко обманемъ, а сна-

руха совершенная черпковка, по своей
 злости;—однако мы поучимъ желаемое.
 я рассказалъ имъ выдуманную свою исто-
 рию и украсилъ ее нѣсколько сообража-
 ясь со вкусомъ слушателей, и кончилъ
 сказавши, что я не хочу пройти мимо
 замка споль славимаго благопвортель-
 ностію пѣхъ; кои въ немъ обитающъ ,
 не зайдя въ него; ибо во всѣхъ мѣстахъ
 гдѣ только я бывалъ, какъ то, въ Компо-
 шеллѣ, Лорешпѣ и Іерусалимѣ, имена
 вспрѣчающихся мнѣ пелегриновъ, отзы-
 вались во многихъ устахъ. — Что! — ви-
 дишь ли мое дитя! сказалъ смотритель
 своей женѣ, слушая мои сказки съ искре-
 ностію и невѣжествомъ. Я надѣюсь ,
 прервала она, что вы не причините мнѣ
 неудовольствія своимъ опдохновеніемъ
 есилья обѣтъ вашего поварища не поз-
 воляетъ вамъ ночевать съ нами подъ од-
 ною кровлею. Дѣвица сія не заразитъ
 его, она останется въ своей компаніи пока
 вы будете здѣсь. Выразительные взоры
 Ерминіи, дали мнѣ знать что она узнала
 меня съ перваго взгляда, и проникнула
 намѣреніе мое. — (таруха принуждала
 меня идти за тобою; я сдѣлалъ знакъ

жоей сестрѣ, и едва вышелъ изъ комнаты, какъ услышалъ голосъ: не спѣшише почтенный мужъ! примите отъ меня сей небольшой подарокъ! она заперла дверь и бросилась въ мои объятія. Я просилъ ее въ короткихъ словахъ дожидаться меня внѣ замка, и распорядилъ такъ чпобъ побѣгъ ея не вскорѣ былъ узанъ. Она спросила меня робкимъ голосомъ, кто былъ товарищъ мой. Я ей сказалъ чпо ты одинъ изъ моихъ друзей, живущихъ въ Римѣ.—Взойдемъ шеперь, смотри! все на меня, чпобъ при первомъ моемъ знакъ ты занялъ спаруху удивительными приключеніями нашего пушешествія; и какъ я уйду, то не много спуетя слѣдуя и ты замною, а остальное отдай на произволь жребія. Хорошій ужинъ ожидалъ насъ и мы спарались занять надзирашельницу. Я началъ разсказывать свои приключенія, Мораніо будучи чрезмѣрно колеблемъ, посматривалъ на всѣхъ съ смущеннымъ видомъ, и вышелъ поспѣшно. Проспшише другу моему его неучпивость, сказалъ я спарухѣ, которая была въ удивленіи. Съ самаго возвращенія нашего изъ свяшой земли онъ подвер-

женѣ припадкамъ. Каждую среду предѣ полуночью, непреодолимое побужденіе заставляешъ его искашь уединенія, тогда жестокіе конвульщи мучатъ его нѣсколько минутъ, и послѣ конхъ кромѣ слабости не опасается ему ничего. Вы сами сіе увидите, когда онѣ придетъ.— Я спарался удержашъ неперпѣливостъ моего сердца, чшобъ не прервашъ мою и сію Исторію. Спустия нѣсколько времени, примѣшивши чшо другъ мой такъ долго не возвращается, прервалъ оную.— Позвольте сказаць я, я посмотрю не сдѣлалось ли съ нимъ чего, онѣ точно въ паркѣ, и я немедленно приду съ нимъ докончишь исторію мою, и поблагодарить васъ за гостепрїимство.

Слабый свѣтъ луны, освѣщашъ ту темную алья, по которой я шелъ; примѣшивши у домика садовницы одну женщину въ бѣломъ одѣянїи, я приблизился къ ней, и узналъ: Ерминія! Моранію! вскричалъ я въ испуленїи вы ли епо! итакъ мы успѣли! соединились! — Въ сію минуту Моранію пошелъ къ садовницѣ дабы осшавишь подарокъ, которой онѣ на-

значалъ ей за участіе въ нашемъ по-
бѣгѣ.

Я оспался одинъ съ его сестрою ;
и бросился къ ея ногамъ. — Едуардъ! —
Едуардъ! сказала она мнѣ тихимъ голо-
сомъ, охватившись нѣжно своею рукою
около моей шеи — и нечувствительно
спала предъ мною на коленяхъ: я прижи-
малъ ее къ своей груди крѣпче, и крѣпче
— Въ сію минуту сердца наши бились
одно объ другое, и казалось соединились.
— Наконецъ она прервала молчаніе сими
воскликаніями — — ахъ! благодаримъ все-
могущее небо, извлекшее насъ изъ безд-
ны злоключеній и возведшее на высшую
степень благополучія! — Мораніо вышелъ
изъ домика съ садовницею; онъ поднялъ
насъ обнимая обѣихъ, и мы слѣдовали
за нимъ большими шагами. Молодая жен-
щина шла предъ нами съ веселымъ видомъ,
держа въ рукѣ факель. Она вывела насъ
на большую и дорогу, и оборотившись къ
Ерминіи, сказала съ видомъ участія:
ахъ! благодарите благодѣтельную Мадон-
ну, и сихъ честныхъ людей, которые
васъ освободили! я часто сожалѣла о

насъ, и всегда когда только съ вами встрѣчалась дѣлала вамъ знакъ моего согласія, которой выражалъ мое желаніе быть вамъ полезною; и вы не имѣли ко мнѣ довѣренности. — Распроганная Ерминія обняла сію добрую женщину, и мы распались съ нею. Вскорѣ послѣ сего мы прѣехали въ одну небольшую деревню, которая служила намъ на нѣсколько часовъ убѣжищемъ отъ дневнаго зноя. — Вѣрные наши слуги встрѣпили насъ съ радостными восклицаніями, и сказали что карета уже давно гошова. Мы послали одного изъ нихъ въ Римъ, съ сими пріятными извѣстіями для Орпанзїи; — Мораніо написалъ на листочкѣ, которой опдалъ онъ своему челоуѣку! — освобожденіе и вольность, есть главное начертаніе нашихъ обстоятельствъ! и любовь! вскричалъ я, упавши въ объятія Ерминїи; нѣжная любовь которая оживляетъ наши сердца! — мы пустились въ дорогу, ведущую насъ во Флоренцію.

Ахъ! какъ путешествїе сіе отлично отъ перваго, кое совершалъ я съ сею любезною дѣвицею! когда я едва осмѣ-

ливался кинуть взоръ на сей прелестной образъ: — но теперь изчезло то заблужденіе, въ кое мечтательность и помѣшательство моихъ воображеніи меня влекло, и теперь ничто не воспрепятствуетъ погрузиться въ источникъ сладостныхъ чувствованій, которой предстала предо мною, — Ерминія сидѣла возлѣ меня, и при малѣйшемъ попрясеніи нашей карены, она прижималась къ моему сердцу, въ которомъ все дышало нѣжнымъ чувствованіемъ и удовлетворенною надеждою. — О! ежели бы кто могъ вообразить, что во мнѣ происходило тогда, когда при перьвыхъ лучахъ восходящаго солнца, я разсмапривалъ всѣ пріятности моей любовницы. — Мы невольно другъ къ другу прижимались, — Ерминія улыбалась, и казалась бытъ сама занята сими чувствованіями. — Рука ея лежала на моей; я ее схватилъ и осыпалъ поцелуями. Наконецъ вскричалъ съ живѣйшимъ выраженіемъ: какъ пріятны сѣи воспоминаніи: но дай Богъ чтобъ они изгладились изъ моей памяти.

Мораніо смотрѣлъ на насъ, и съ удо-

вольтеріємъ примѣчалъ дѣйствія нашихъ
 восторговъ, не нарушая ихъ; онъ обер-
 нулся къ сестрѣ своей, и сказалъ ей
 усмѣхнувшись: Эдуардъ знаетъ все чрезъ
 собственныя твои письма; онъ узналъ
 исторію твоей жизни, и что безчестные
 обманы которыхъ онъ былъ жертвою,
 ему открыты. Ерминія краснѣла. Ты
 огорчаешься, вскричалъ я, прижавши ру-
 ку ея къ сердцу моему, что я открылъ
 тайну споль для меня, драгоценную,
 между тѣмъ какъ вы мою знали? — Мы
 уведомили ее о всѣхъ подробностяхъ на-
 шихъ общихъ приключеній, и когда я
 сказалъ ей съ какимъ величествомъ ду-
 ши поступилъ Мораніо съ Фестимою,
 Ерминія взяла его руку и сказала съ
 чувствительностію: доброй и велико-
 душной брань! — перестанемъ о семъ го-
 ворить прервалъ онъ, шутъ нѣтъ ниче-
 го чрезвычайнаго, сдѣлашь доброе дѣло?
 расскажи намъ твое похищеніе, которое
 причинило намъ сполько безпокойствъ.

Ерминія ожидала своего брата до са-
 мой минушы какъ она поѣхала въ спек-
 такаль. Все было пригошовлено дабы пре-

рвать наипрѣпнѣйшимъ образомъ по заблужденію, въ коемъ я тогда находился. Изменившая надежда опыскашь своего брата, принудила ее возвратиться въ загородной свой домъ, и оставишь оперу передъ концемъ. Она вошла чпобъ дож- дашь при выходъ пока подвѣдешъ карета, какъ вдругъ два человекъ схващивши ее насильно опнесли въ другую. Она упала въ обморокъ, опамятовавшись приносиль жалобы; накоторыя притворный голоеъ ной особы которая сидѣла прониу ее, опивѣчалъ и старался ее успокоиль. Она узнаешъ въ ней Бонованниора, ужасныя предчувствія овладѣли ея душою, негодование вспламенило гнѣвъ ея. — Ахъ! скройше по крайней мѣрѣ голосъ вашъ, сказала она ему съ презрѣніемъ, онъ опкрываетъ вмѣстѣ съ нимъ низкостъ вашей души, которая принадлежиль однимъ варварамъ производящймъ безчестныя поступки. — Сударыня, опивѣчалъ онъ насмѣшливымъ видомъ; подумайше естльи полько шо вамъ угодно, что гневъ и шушки ваши не умѣста, и не старайтесь противишь силамъ, которыя принудяшь васъ покоришься. Мы

извинимъ печальное положеніе вашего разсудка, въ коемъ вы теперь находи- шесь, и надѣмся также что вы не одни- ми своими выгодами будете заниматься. — Ерминія не отвѣчала, и разсуждала нѣсколько времени о мрачной перспективѣ, которая предъ нею открывалась и показывала ей длинную цѣпь несчастій; но вскорѣ душа ея оживилась невиди- мою бодростію невинности. — Но нечаян- ному и щасливому случаю, она имѣла съ собою не большой кинжалъ, копорой былъ еще съ нею въ пещерѣ для безо- пасности; она скрывала его у своей гру- ди, дабы въ крайности, которая пред- ставлялась ей воображенію, имѣть на- дежное прибѣжище. — Однако тѣ, ко- торые съ нею сидѣли, и изъ коихъ она одно о не знала, не преславали описы- вать будущую ея участь самыми луч- шими красками, хотя она и не отвѣчала на ихъ вопросы, какъ нѣолько презри- тельными взглядами; но молчаніе ея ка- залось имъ, что она покорялась будуще- му своему жребію. — И такъ Едуардъ былъ сколько щасливъ, что могъ вос- торжествовать надъ вашимъ непокор-

нымъ сердцемъ? сказалъ наконецъ Бониванпюра, по долгомъ молчаніи. Весьма сожааю, что вы питаете любовь къ такому человѣку, которой ея недостойнъ; ибо сей легкомысленный иностранецъ будучи знакомъ со многими честными дѣвицами . . . и вырвавшись изъ объятій одной, вздумалъ повертнуться къ вашимъ ногамъ. — Вотъ образъ его жизни! къ сему же онъ и льстецъ, и сіе было единственнымъ средствомъ его вкрасься въ ваше сердце — вы не опѣваете? молва сія не ужели не дошла до васъ? — Я обижу человѣка о коемъ вы говорите, опѣчала она съ холодностію, ежели спяну его оправдывать, и при томъ же оправдывать предъ вами. — Наконецъ они прѣехали въ замокъ, и В. . . . встрѣшилъ ее съ распростертыми руками. — Не думайте, государь мой, вскричала Ерминія, отступя нѣсколько шаговъ назадъ, что бы посредствомъ вашихъ принужденій, вы могли приобрести надо мною какія либо права, и что я менѣе свободна нежели какъ прежде! — Ерминія обнаружила всю свою ненависть и презрѣніе, которыя

онъ вѣнулъ ей; спустя нѣсколько минутъ онъ пришелъ въ ея комнату, въ которую надзиратель опвелъ ее. Но онъ казался ласковѣе и спарался себя извинить въ шаковыхъ наглыхъ поступкахъ, есылаясь на жестокость своей страсти. Развѣ принужденіемъ возможно бытъ взаимно плашму! сколь худо вы знаете почувство, посредствомъ котораго вы хотите оправдать гнусные свои поступки!—Вы съ лишкомъ строго укоряете меня, опивчалъ В. . . , что я спарался имѣть небольшія выгоды прошиву моего соперника, ибо мнѣ не оспавалось никакаго средства какъ полько васъ разлучить. Бонованпюра успѣшно вошедши, подалъ письмо; В. . . прочиталъ его и поговоривши съ нимъ шихо, вышелъ изъ комнаты. Вскорѣ послѣ сего пришла надзирательница и рассказала, что В. . . вчерась еще получилъ извѣстіе, что дядя его очень боленъ, и что онъ по сему письму немедленно къ нему отпраляется. Онъ просилъ меня имѣть особенныя о васъ попеченія, и я думаю что вы согласитесь помножаться мнѣ

шакъ, какъ своей матери. Впрочемъ вамъ ни въ чемъ недоспашка не будетъ. — Несчастная сряду нѣсколько дней спрала опъ ласкашельствъ сего гнуснаго лицемѣра. Часпо должна была слушашъ разныя его наглости; часпо надлѣжало слушашъ старуху говорящую въ пользу ея господина, и сносить обиды чувствительному сердцу.

Я одолжена вамъ освобожденіемъ своимъ, — и кому больше изъ васъ? сказала Ермита кончивши свою исторію. Она взяла руку ея брата и мою, и прижимала ихъ крѣпко къ своему сердцу. Но прежде нежели мы все сіе кончимъ, надлѣжитъ чшобъ вы клялись мнѣ никогда не испить за причиненныя намъ обиды. Я предусвѣла, любезный Моранію удержатъ себя, когда шы кошѣль оныя омышъ въ крови нашихъ злодѣевъ. Но опъ васъ Едуардъ, опъ васъ пребуду только одного, чшобъ вы общали мнѣ не выводить слѣдствій сего приключенія; приближающаяся смерть дяди сего злодѣя, лишитъ его могущества и довѣренности, — ему невозможно будетъ по-

ожидать храбрыхъ людей какъ только обманомъ и измѣною—Епо ваше слово. Ахъ! не подвергайте вашу жизнь прощиву челоуѣка, которой недостоинъ съ вами равняться? небо опомснитъ за васъ.

Онъ былъ дѣйствительно наказанъ столько, сколько того заслуживалъ. Спусти два дни по прѣздѣ нашемъ во Флоренцію, Орпанзія прѣехала къ намъ, и мы всѣ соединились. Она привезла извѣстіе, что В. . . . выгналъ изъ республики, и Бонованшюра, которой увидѣвши воспавшую прощиву себя бурю, хотѣлъ уйти, но его поймали, — и онъ содержится въ темницѣ, въ ожиданіи приговора.

Вотъ на конецъ все кончилось! и мы избавлены! вскричалъ Мораніо, увидѣвши при заходѣнн солнца величественную Арно. — Вотъ на конецъ мы избавились! съ сими, восклицаніями беспрепятственно повшоряемыми, мы провели нѣсколько дней въ моемъ загородномъ домикѣ и его окрестностяхъ.—Нѣжная любовь Ерминіи ежеминутно приводила ме-

ня въ испуленіе восторга, и добрый
 нашъ геній, предвозвѣщаль намъ буду-
 щую участь спольже щасливою, какъ и
 сіи минушы. — Одною дня сія обожаемая
 мною дѣвица находилась въ той комна-
 нѣ, въ которой за нѣсколко мѣсяцевъ
 тому назадъ, жила скрывая свой полъ въ
 видѣ моладаго мужчины; я искалъ ее по
 всему дому; На конецъ вошелъ въ сію
 комнату, и нашелъ ее сидящею за форте-
 піано; нѣжные и выразительные глаза ее
 изъясняли, что она призывала пріятныя
 воспоминанія. Я упалъ къ ногамъ ее;
 взоры наши встрѣтились, и по прошеспи-
 вшіи нѣсколькихъ минушъ сего восхити-
 тельнаго безмолвія, я заключилъ ее въ
 мои объятія. О Ерминія! вскричалъ я въ
 испуленіи, — здѣсь, въ первый разъ,
 подозревалъ я чтобы ты любила меня. —
 Позволь чтобы я услышалъ въ семъ же
 самомъ мѣстѣ, подтвержденіе сей пріят-
 ной надежды. — Позволь чтобы я услы-
 шалъ изъ собственныхъ устъ твоихъ
 эту священную клятву, которая должна
 соединить насъ на вѣки! — Эдуардъ!
 ошвѣчала она, чего ты пребуешь отъ
 меня? — Сердца? оно принадлежишь те-

бѣ. Любви моей? она къ тебѣ постоянна, — себя, себя одного предпочнула я въ первую минуту какъ увидѣла; — я страдала, сколько возможно страдаю, — когда съ сердцемъ преисполненнымъ нѣжной любви, я думала бытъ оставлена тобою. — Теперь хочу заключить тебя въ моихъ объятіяхъ такъ долго, сколько они могутъ двигаться, и умереть — умереть на твоей груди! — она умретъ въ объятіяхъ моихъ!

К О Н Е Ц Ъ .

11. V. 1932

3186230061